ВХ
599

О РЕЛИГІОЗНОМЪ СЕКТАНТСТВѢ ВЪ НАШЕМЪ ОБРАЗОВАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Второе чтеніе преосвященнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, въ собраніи С.-Петербургскаго Братства Пресвятыя Богородицы 9 Апрѣля 1891 года).

Изданіе С.-Петербургскаго Епархіальнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1891.

1966
3136

3636

БИБЛИОТЕ
Влад. Д. Бонч-
Инв. №

О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ.

(Второе чтеніе преосвященнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, въ собраніи С.-Петербургскаго Братства Пресвятыя Богородицы 9-го апрѣля 1891 года *).

При первомъ моемъ чтеніи въ этомъ почтенномъ собраніи «о причинахъ отчужденія отъ церкви нашего образованнаго общества» я намѣренно отложилъ до другого времени одну изъ самыхъ важныхъ причинъ этого отчужденія, какъ требующую особаго обстоятельнаго изложенія. Я разумѣю *религіозное сектантство въ нашемъ образованномъ обществѣ*. Прошу позволенія этою темною чертою дополнить печальную картину удаленія отъ православной церкви нашихъ передовыхъ людей.

Вліяніе протестантства, какъ было сказано мною прежде, со времени Петра Великаго поселило въ умахъ первыхъ русскихъ людей, искавшихъ европейскаго образованія, недовѣріе къ нашей православной церкви и охлажденіе къ ней. Но вмѣстѣ съ этимъ не обнаружилось въ нихъ стремленія организовать у себя съ самаго начала особое религіозное общество, съ особымъ исповѣданіемъ христіанской вѣры, какъ это сдѣлали сами протестанты, отдѣлившись отъ католической церкви. Большинство изъ нихъ устремилось исключительно за научными познаніями, увлеклось европейскими философскими ученіями, и, рабски слѣдуя за ними въ теченіе почти двухъ вѣковъ, оказалось, какъ мы видѣли, въ области крайняго раціонализма и матеріализма, а затѣмъ и невѣрія. Но такое направленіе не могло же овладѣть всѣми безъ исклю-

*) Первое чтеніе см. въ № 6 „Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“.

ченія нашими любителями заграничнаго образованія и европейской жизни. Всѣ они были крещены въ православной церкви, слѣдовательно, получили благодать возрожденія, которая не покидаетъ до конца жизни и заблуждающагося христіанина и пробуждаетъ его сердце и совѣсть. Многіе изъ нихъ въ раннемъ возрастѣ въ своихъ семействахъ, особенно изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, видѣли примѣры благочестія въ своихъ родственникахъ, познакомились съ религіозными впечатлѣніями, и склонны были такъ, или иначе искать удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ. А почему *не такъ*, т. е. не по духу православной церкви, *а иначе*, т. е. по духу иностранныхъ религіозныхъ обществъ, пошло ихъ дальнѣйшее духовное развитіе, объ этомъ, какъ и послѣдствіяхъ этого направленія, много и много надо думать. Это направленіе грозитъ въ будущемъ неисчислимыми бѣдствіями нашей православной церкви и государству, если не будетъ поворота къ лучшему. Если ложно поставленная наука надѣлала намъ много бѣдъ, распространяя невѣріе, то религіозныя секты надѣлаютъ намъ ихъ еще больше. Замѣчено, что отъ совершеннаго невѣрія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возможно обращеніе прямо къ истинной вѣрѣ, но замѣна истинной вѣры лжеученіемъ, порождая въ человѣкѣ совращенномъ ложное убѣжденіе, что онъ вступилъ на истинный путь, и искажая его религіозныя понятія, дѣлаетъ труднымъ, а иногда и невозможнымъ обращеніе его къ истинѣ, особенно при недостаткѣ научнаго образованія. Этою именно опасностію и грозитъ нашему православному народу распространеніе въ немъ религіозныхъ сектъ, вырывая его изъ подъ вліянія православной церкви, единственной его учительницы и руководительницы въ нравственной жизни.

Для болѣе яснаго представленія этой угрожающей намъ опасности, мнѣ кажется, будетъ полезно: 1) разъяснить обстоятельства, увлекавшія сначала и продолжающія увлекать доселѣ въ секты нашихъ образованныхъ людей; 2) изложить кратко въ историческомъ порядкѣ появленіе между ними въ разное время различныхъ религіозныхъ сектъ, и наконецъ 3) обсудить нынѣ существующія между ними секты и вліяніе ихъ на народъ нашъ.

I.

Крутой поворотъ, сдѣланный Петромъ Великимъ отъ древняго строя нашей умственной жизни къ европейскому образованію, оторвалъ отъ нашего народа передовую и лучшую его часть. Отъ Петра и до послѣдняго времени народъ нашъ, говоря современнымъ языкомъ, походилъ на желѣзнодорожный поѣздъ, у котораго оторвался локомотивъ. Локомотивъ полетѣлъ впередъ, а вагоны стали неподвижно. Народъ нашъ въ теченіе вѣковъ воспитался и сложился подъ вліяніемъ православной церкви во всѣхъ отрасляхъ своей жизни—отъ религіозныхъ воззрѣній до внѣшняго порядка и обыденныхъ обычаевъ. Его образованіе имѣло характеръ церковности, заимствованной отъ греческой церкви. Онъ учился по книгамъ Священнаго Писанія, по тяжелымъ славянскимъ переводамъ греческихъ отеческихъ твореній и не менѣе тяжелымъ произведеніямъ отечественной письменности. За немногими исключеніями, онъ не усвоилъ, какъ должно, высокаго ученія своей церкви, но крѣпко устоялся въ церковной практикѣ. Онъ въ простотѣ своей думалъ, что мыслитъ обо всемъ умомъ своей церкви и смотритъ на весь міръ ея очами; а потому смущался всѣмъ, что отъ его понятій было отлично и его обычаю чуждо. Поэтому онъ былъ не готовъ къ спокойному, разумному и сознательному усвоенію европейскаго образованія; онъ его испугался. Но сколько онъ былъ своеобразенъ и не похожъ на западныхъ европейцевъ, столько же эти послѣдніе были не похожи на него. Между тѣмъ ему предстояло силою внѣшнихъ обстоятельствъ передѣлаться въ народъ европейскій. Въ большинствѣ своемъ онъ на это не пошелъ, потому что его къ этому не подготовили. Ему не показали просвѣщенія съ внутренней, разумной его стороны, не примирили науки съ его вѣрою, не пощадили его національныхъ свойствъ и вѣковыхъ обычаевъ, и онъ остался неприступнымъ для европейскаго просвѣщенія въ то время, когда передовая часть его передѣлывалась въ народъ европейскій. Она и передѣлалась. Это было несчастіе столько же для народа, сколько и для передовой его части.

Обѣ стороны взаимно, какъ не поняли сначала, такъ и теперь не понимаютъ другъ друга. Эта трудная задача примирить обѣ стороны, выяснить ихъ взаимныя отношенія и срастить снова обѣ разорванныя части въ одно цѣлое органическое тѣло предстоитъ намъ, вразумленнымъ горькимъ опытомъ двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Чѣмъ больше съ теченіемъ времени наши первые образованные люди углублялись въ европейское просвѣщеніе и европейскую жизнь, тѣмъ больше они отдалялись отъ народа. При блескѣ европейской цивилизаціи ихъ родная страна представлялась имъ дикою и ихъ собственный народъ невѣжественнымъ. Это во многихъ отношеніяхъ было вѣрно, но они эти признаки внѣшней дикости и неразвитости распространили и на нашу вѣру и церковь. Вслѣдъ за иностранцами, особенно протестантами, они смѣшали народную вѣру съ суевѣріями, въ уставахъ нашей церкви увидѣли одну мертвую букву, въ народныхъ обычаяхъ безсодержательныя преданія грубой старины. Они стали плѣнниками западной Европы въ нравственномъ отношеніи, отчужденными отъ своей родины. И могли ли они стать въ иное положеніе по отношенію къ своей родной землѣ? Справедливость требуетъ сказать, что это превышало ихъ силы.

Что они видѣли въ Европѣ, и что у себя дома въ религіозномъ отношеніи? Тамъ у народовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій они нашли богатую духовную литературу, къ которой открыло имъ доступъ изученіе иностранныхъ языковъ, у насъ же видѣли въ этомъ отношеніи крайнюю скудость. Могли ли они сидѣть за нашими славянскими книгами въ деревянныхъ, обтянутыхъ кожею, переплетахъ съ мѣдными застежками, когда имъ со всѣхъ сторонъ предлагали нарядныя благочестивыя книжки, написанныя изящнымъ языкомъ? Могли ли они сохранить расположеніе къ нашему богослуженію, которое переставали понимать, требовавшему продолжительнаго стоянія на ногахъ, при плохомъ пѣніи, когда въ европейскихъ церквахъ они безъ утомленія, сидя, могли слушать великолѣпные органы и краснорѣчивыя проповѣди? Къ этому, въ оправданіе себя, они стали указывать на бѣдность нашихъ храмовъ, на необходимость смѣшиваться въ

нихъ съ простымъ народомъ, не знающимъ приличій. Ихъ сокровище, религіозное чувство, перемѣстилось за границу; туда потянулось и ихъ сердце.

Удержать ихъ въ оградѣ своей церкви, разъяснить имъ внутреннее ея достоинство и превосходство ея ученія и уставовъ предъ исповѣданіями западными должны были пастыри церкви, или духовенство; но въ какомъ положеніи было наше духовенство въ петровское время и въ теченіе всего XVIII столѣтія? Правда, были у насъ ученые архипастыри, но крутая реформа лишила и ихъ самихъ единодушія, и повергла въ смутное и тяжкое положеніе. Достоинство ихъ было унижено недовѣріемъ правительства и гласнымъ заявленіемъ въ законодательномъ актѣ, что «должность ихъ великая, но чести никаковыя», и особенно запрещеніемъ при обозрѣніи епархій въѣзжать въ города и повелѣніемъ останавливаться за городомъ въ палаткахъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые въ чемъ нибудь обнаруживали особенную ревность и возбуждали недовѣріе правительства, особенно въ бироновское время, брали подъ арестъ, подвергали пыткамъ, лишали сана, заключали въ крѣпости, ссылали въ Сибирь. Могло ли въ этомъ положеніи наше высшее духовенство въ глазахъ нашихъ первыхъ европейцевъ выдержать сравненіе съ блестящимъ положеніемъ римскихъ кардиналовъ, прелатовъ и ученаго сословія протестантскихъ пасторовъ? Отъ монашества, при общемъ недостаткѣ образованія, трудно было ожидать просвѣтительнаго вліянія, когда число иноковъ строго было ограничиваемо, монастыри были закрываемы, или обращаемы въ госпитали и богадѣльни, а монахамъ строго запрещено было имѣть въ кельѣ перо и чернила. О бѣломъ духовенствѣ того времени и говорить нечего. Въ школахъ оно не училось, да и школъ для него почти не было. Внѣшнее положеніе его было жалкое: оно было скучено въ своемъ сословіи безъ выхода въ другія, и лишено освѣженія притокомъ новыхъ силъ изъ другихъ сословій. Изъ него лишніе члены отдаваемы были въ солдаты, помѣщики сѣкли духовныхъ лицъ на конюшняхъ, за проступки сажали священниковъ на цѣпь и били, за неслуженіе царскихъ молебновъ тысячами ссылали въ Сибирь. Могъ ли такой разгромъ духовенства, такое унизительное его положеніе

и бѣдность не возбуждать въ высшихъ нашихъ сословіяхъ пренебреженія къ нему? Отъ того-то до недавняго времени въ домахъ образованныхъ людей лицъ духовныхъ не пускали дальше передней, исключая времени совершенія требъ. По внѣшней бѣдности и внутренней неразвитости, духовенство совсѣмъ было чуждо нашему образованному обществу. При всемъ этомъ можно ли было думать о какомъ нибудь вліяніи его на передовое общество, терявшее расположеніе къ своей церкви? Только дворяне не вкусившіе еще европейскаго просвѣщенія, и изъ послѣднихъ избранные люди, понимавшіе неестественное положеніе дѣла, вмѣстѣ съ духовенствомъ и простымъ народомъ жили церковною жизнію по старымъ преданіямъ, въ ожиданіи временъ лучшихъ. Отсюда ясно, что къ европейскому образованію вмѣстѣ съ передовыми сословіями, и еще и раньше, надобно было двинуть и духовенство, чтобы оно могло стать въ уровень съ требованіями времени и своимъ руководствомъ предохранить новое образованное общество отъ увлеченій чужими религіозными идеями и обычаями; но этого не случилось. При Екатеринѣ II это ложное положеніе было понято, и дѣтей духовенства стали силою загонять въ школы, но дѣло шло туго. Только при Александрѣ I-мъ духовенство было призвано, какъ должно, къ научному образованію, но самое дорогое время для уравненія его въ умственномъ отношеніи съ образованнымъ обществомъ было опущено.

Нѣчто въ родѣ каменной стѣны воздвигло между нашею церковію и образованнымъ обществомъ предпочтеніе иностранныхъ языковъ своему отечественному и незнаніе языка богослужебнаго. Всѣмъ извѣстно, какъ сначала шло и какъ теперь еще идетъ начальное воспитаніе въ нашихъ высшихъ кругахъ. Иностранныя бонны, гувернантки и гувернеры доселѣ еще властвуютъ надъ малолѣтними дѣтьми нашего образованнаго общества; чистое произношеніе дѣтьми иностранной рѣчи, по которому въ Европѣ не могли бы отличить русскаго человѣка отъ мѣстнаго жителя Франціи, Германіи и Англіи, доселѣ озабочиваетъ великосвѣтскихъ родителей больше, чѣмъ основательное усвоеніе и знаніе родного языка. Мнѣ очень было прискорбно, когда въ одномъ дворянскомъ богатомъ

семействѣ четырехлѣтній мальчикъ на вопросъ мой, сдѣланный по русски, отвѣчалъ мнѣ: ich will nicht. Спрашиваю родителей: зачѣмъ вы учите мальчика нѣмецкому языку, не давши ему выучиться говорить по русски? Мнѣ отвѣчали: «чтобы въ раннемъ возрастѣ усвоилъ правильное произношеніе. Потомъ будемъ учить языкамъ французскому и англійскому; а по русски говорить потомъ самъ выучится». Это напомнило мнѣ откровенное признаніе одной великосвѣтской дамы, которая, въ разговорѣ со мною, утомившись сочиненіемъ русской рѣчи, сказала наконецъ: «знаете что, когда я говорю по русски, мнѣ даже зубы больно».—Но по психологіи извѣстно, что человѣкъ на томъ языкѣ мыслитъ, который лучше знаетъ; слѣдовательно, на привычномъ чужомъ языкѣ легко читаются иностранныя книги и легко усвояются чужія мысли. Вотъ почему, когда духовенство наше ожило въ дѣлѣ образованія, когда наша духовная литература богатѣетъ съ каждымъ днемъ, у великосвѣтскихъ людей нашихъ русскія духовныя книги вываливаются изъ рукъ. Но что сказать о языкѣ славянскомъ? Относительно его и отъ благочестивыхъ образованныхъ людей нашихъ мы слышимъ жалобные вопросы: «Когда же наше богослуженіе и молитвы переведутъ на русскій языкъ? Мы ихъ не понимаемъ.» Имъ дѣла нѣтъ до того, что славянскій языкъ имѣетъ высокія качества, наиболѣе соотвѣтствующія богослуженію; что весь славянскій православный міръ молится и слушаетъ богослуженіе на этомъ языкѣ; что этотъ языкъ составляетъ живую связь между славянскими племенами; что замѣна славянскаго языка русскимъ въ нашихъ храмахъ оттолкнетъ отъ церкви весь нашъ простой народъ; для нихъ все это не важно. Несчастіе въ томъ, что съ дѣтства не познакомили ихъ съ языкомъ славянскимъ, и теперь они готовы учиться скорѣе санскритскому языку, чѣмъ славянскому, потому что изученіе перваго все таки имѣетъ для нихъ научный интересъ; а зачѣмъ изучать свой старый языкъ, когда пора его бросить?

Не забудемъ при этомъ, что иностранные воспитатели, обучающіе русскихъ дѣтей своимъ языкамъ, не могутъ не вліять на ихъ религіозныя воззрѣнія при той разности, которая существуетъ между ихъ исповѣданіями и православною

вѣрою, и при ежеминутномъ общеніи съ дѣтьми. Ихъ религіозныя мысли высказываются ими невольно, ихъ поведеніе и примѣры у дѣтей передъ глазами. Сравнительная легкость внѣшнихъ религіозныхъ обязанностей, какія возлагаются на иновѣрцевъ, особенно протестантовъ, ихъ исповѣданіями, предъ трудами, требуемыми уставами и богослуженіями нашей церкви, соблазняютъ дѣтей, и впослѣдствіи производятъ въ нихъ охлажденіе къ церкви и недовольство ея учрежденіями. Многіе воспитатели, по чувству чести, такъ какъ имъ довѣрены православныя дѣти, не касаются религіозныхъ вѣрованій своихъ воспитанниковъ, и даже стараются поощрять ихъ къ исполненію православныхъ обрядовъ, но и здѣсь отъ ихъ невѣдѣнія происходитъ запутанность. Не могу я забыть простодушнаго объясненія одного добраго гувернера швейцарца, который, въ доказательство того, что онъ старается о воспитаніи порученныхъ ему дѣтей въ духѣ православія, сказалъ мнѣ: «я всякій день утромъ и вечеромъ заставляю ихъ молиться предъ портретомъ ихъ покойнаго отца». Немалаго труда стоило мнѣ объяснить ему разность между портретами и святыми иконами и правильное отношеніе къ тѣмъ и другимъ.

Но, что облегчаетъ нравственную отвѣтственность за уклоненіе въ секты нашихъ образованныхъ людей прошлаго столѣтія, то не оправдываетъ ихъ послѣдующихъ поколѣній, съ начала текущаго столѣтія и по настоящее время. У насъ съ этого времени появились отечественные писатели съ высокими талантами въ разныхъ отрасляхъ литературы, въ томъ числѣ и въ духовной. Духовенство становилось по умственному развитію образованнѣе, въ дѣлѣ своего служенія достойнѣе и по внѣшности приличнѣе. Появились проповѣдники, которыхъ можно было послушать, пастыри, съ которыми можно было посовѣтоваться, и ученые, съ которыми можно было побесѣдовать. Но наше свѣтское общество всѣмъ этимъ мало интересовалось; успѣхи отечественнаго религіознаго образованія его не радовали; православная церковь съ своими многомилліонными членами, какъ крѣпкое зданіе Божіе, на которомъ видимо исполнялось обѣтованіе Спасителя объ ея несокрушимости, имъ не представлялась заслуживающею вниманія, и ея исторія и внутреннее устройство казались не

стоющими тщательнаго изученія. Ихъ вниманіе и сочувствіе были направлены къ литературѣ свѣтской, и притомъ преимущественно иностранной. У кого изъ нихъ всплывали на поверхность разсѣянныхъ душъ религіозныя чувствованія, кому оказывалось нужнымъ утѣшеніе въ скорби, кто, подъ вліяніемъ моды, хотѣлъ познакомиться съ лучшими сочиненіями изъ духовной литературы, для того всегда были готовы и по языку доступны духовныя книги знаменитыхъ иностранныхъ писателей, а для духовныхъ бесѣдъ всегда были на лицо заграничные наставники, посѣщавшіе насъ весьма усердно и всегда собиравшіе вокругъ себя внимательныхъ слушателей, и особенно слушательницъ. Ихъ поученія были искусно приспособляемы къ разумѣнію и нравственному состоянію нашихъ образованныхъ людей; они не были сопровождаемы изслѣдованіями, требовавшими напряженія ума, и обременительными правилами нравственной жизни. Католическіе аббаты обѣщали всепрощеніе и отверзеніе дверей рая властію святаго отца, а протестантскіе учители — спасеніе безъ хлопотъ, одною вѣрою. Отсюда и пошло это ученіе о всепрощающей любви, съ забвеніемъ правды Божіей, и необходимости подвиговъ благочестія. «Любовь! Любовь!» затвердили всѣ, и отвергнувъ тяжкіе труды нравственнаго самоисправленія, устремились на необременительные для богатыхъ людей подвиги общественной благотворительности, услаждаемые притомъ благотворительными концертами и увеселеніями. Тутъ нѣтъ тревоги для совѣсти, нѣтъ страха вѣчныхъ мученій, нѣтъ покаянныхъ подвиговъ и молитвъ (особенно на славянскомъ языкѣ), какихъ требуетъ православная церковь. Тутъ такая легкая и пріятная дѣятельность для ума, — особенно для лѣниваго,—и такая усладительная благочестивая восторженность, наполняющая воображеніе свѣтлыми образами и сердце такими радостными надеждами! Какая широкая и гладкая дорога для всѣхъ заграничныхъ сектъ!

II.

Изъ самаго краткаго очерка религіозныхъ сектъ, появлявшихся въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣдніе два

вѣка, будетъ видно, съ какою легкостію они проникали въ него изъ заграницы, и съ какою силою имъ овладѣвали. Начнемъ съ нашествія іезуитовъ.

Со времени возникновенія нашихъ реформъ іезуиты зорко слѣдили за нами, и неустанно толкались въ наши не крѣпко затворенныя двери. Петръ Великій не терпѣлъ іезуитовъ: они были изгнаны изъ Россіи въ 1689 г. Но тѣмъ не менѣе, они имѣли мѣсто, гдѣ поставить ногу: въ Московской нѣмецкой слободѣ католикамъ дозволено было имѣть свою церковь и держать при себѣ духовныхъ лицъ, между которыми несомнѣнно втирались іезуиты. Они открыто появились и снова были изгнаны въ 1719 году *). Но, никогда не унывая и не отчаяваясь въ успѣхѣ своего дѣла, они тайно подготовлялись и, улучивъ благопріятное время, предприняли настоящій походъ на наше отечество и церковь, начавъ его при Павлѣ I-мъ и открыто развернувъ свое знамя при Александрѣ I-мъ. Не довольствуясь Полоцкомъ, гдѣ дотолѣ былъ главный центръ дѣятельности іезуитскаго ордена, они утвердились въ Петербургѣ, овладѣли здѣшнею католическою церковію, ея имѣніями и доходами, подчинили себѣ католическое духовенство вмѣстѣ съ митрополитомъ Сестренцевичемъ, и повели свою пропаганду по всей Россіи. Они нашли себѣ покровителей между сильными тогда у насъ эмигрантами, польскими аристократами, и между русскими именитыми дворянами, совращенными въ католичество,—Голицыными, Разумовскими, Гагариными, Толстыми и др. Они открыли въ Петербургѣ пансіонъ, въ который русскіе аристократы отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе за дорогую плату. Отсюда извѣстный патріотъ Растопчинъ пригласилъ ихъ въ Москву, Паулуччи въ Ригу и Митаву, Ришелье въ Одессу, Сибирскій губернаторъ Пестель въ Сибирь для просвѣщенія инородцевъ, а Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Кочубей послалъ ихъ для той же цѣли въ наши восточныя степи. Они развили свою пропаганду въ Казани, Саратовѣ, Астрахани, Пензѣ, Воронежѣ, Моздокѣ, Тифлисѣ, Томскѣ и Иркутскѣ, всюду открывая

*) Руководство къ русской церковной исторіи профессора Казанской духовной академіи П. Знаменскаго, стр. 284.

школы. Они пріобрѣли 13 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ и огромныя богатства—правдами и неправдами. Неизвѣстно, какъ далеко еще распространилось бы ихъ вліяніе, еслибы они не вооружили противъ себя, бывшаго прежде ихъ орудіемъ, самого Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода князя Голицына, совративъ въ католичество его 17-лѣтняго племянника, посланнаго потомъ на увѣщаніе къ архимандриту Филарету, впослѣдствіи митрополиту Московскому. Въ 1815 г. іезуиты изгнаны были изъ Петербурга, а въ 1820 году и изъ Россіи. Имѣнія ихъ были конфискованы, деньги отданы въ приказы общественнаго призрѣнія. «Орденъ іезуитовъ былъ упраздненъ, говоритъ нашъ церковный историкъ профессоръ Знаменскій, но сѣмена посѣянныя имъ и послѣ этого долго пробивались на русской землѣ сорными травами. Къ счастію Россіи, дѣятельность его не была народной, не проникала до грунтовыхъ слоевъ русской земли, а занималась легкой обработкой однихъ только высшихъ ея слоевъ съ ихъ наносною съ Запада пылью и грязью» *).

Но нашествіе іезуитовъ было въ нашемъ отечествѣ явленіемъ временнымъ и преходящимъ. Вліяніе протестантства, напротивъ, начавшееся со времени Петра Великаго, продолжалось во всѣ послѣдующія царствованія, продолжается и доселѣ. Въ видѣ особой секты, невиданной въ православной средѣ, оно появилось въ Москвѣ въ 1713 году, и извѣстно подъ именемъ секты лѣкаря Тверитинова, учившагося медицинѣ въ Московской нѣмецкой слободѣ. Тамъ онъ увлекся протестантскими воззрѣніями, въ теченіе десяти лѣтъ успѣлъ найти себѣ послѣдователей, предавшихся протестантству до фанатизма. Секта эта была разсѣяна Стефаномъ Яворскимъ **). Но вообще увлеченіе нашего образованнаго общества протестантскими идеями было такъ велико, что оно почти все въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ быть названо обширною сектою, относившеюся неблагожелательно къ своей родной церкви, ея ученію и учрежденіямъ. Это направленіе мы видимъ и теперь въ такъ называемыхъ либеральныхъ воззрѣніяхъ и отношеніяхъ къ церкви нашихъ образованныхъ людей. Но

*) Тамъ же, стр. 471—475. **) Тамъ же, стр. 471—475.

были случаи увлеченія протестантствомъ исключительные и особенно обнаруживающіе религіозную шаткость нашего общества и поразительную удобопреклонность его ко всякимъ новымъ и ложнымъ протестантскимъ измышленіямъ и кружкамъ. Отмѣтимъ особенно выдающіяся въ этомъ смыслѣ бывшія у насъ въ большой силѣ два общества, *масоновъ и мистиковъ*.

Исторія масонства, или общество вольныхъ каменщиковъ, извѣстна. Оно состояло изъ членовъ, раздѣлявшихся на разныя степени и получавшихъ въ каждую степень особое посвященіе съ своеобразными обрядами. Они имѣли особые символическіе знаки, по которымъ могли узнавать другъ друга. Собранія ихъ назывались *ложами*. Въ этихъ собраніяхъ они занимались бесѣдами и религіозными упражненіями, которыя содержали въ глубокой тайнѣ. Въ числѣ братьевъ масоновъ состоялъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, многіе чины придворной и государственной службы, литераторы и образованные люди, каковы Новиковъ, Лопухинъ, Гамалея и множество другихъ. Примѣромъ этихъ передовыхъ людей увлечены были нѣкоторые любители просвѣщенія и изъ православнаго духовенства. Главнымъ дѣятелемъ въ распространеніи масонства въ Россіи былъ нѣкто Лабзинъ. Пріемъ, который онъ употреблялъ для привлеченія новыхъ членовъ въ масонское общество, я узналъ отъ знаменитаго современника наибольшаго развитія у насъ масонства, митрополита Филарета. Въ одномъ разговорѣ со мною почившій святитель сказалъ мнѣ: «обо мнѣ говорили, что я былъ масономъ; никогда я имъ не былъ. Лабзинъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: церковь наша утратила свое вліяніе на народъ. Образуется особое религіозное общество для поддержанія благочестія въ народѣ. Я отвѣчалъ ему: если церковь утратила вліяніе на народъ, то надобно возстановить его, а не изобрѣтать новое общество. За церковь стоитъ Іисусъ Христосъ, а за ваше общество я не знаю, кто». Изъ немногихъ словъ Лабзина видно, что цѣлію нашихъ образованныхъ сектантовъ всегда было и есть, какъ увидимъ дальше, противодѣйствіе православной церкви по незнанію ея и предубѣжденіямъ къ ней. Сущность масонскаго ученія состояла въ исканіи высшаго знанія

и мудрости въ мистическомъ направленіи. Правительство само разрѣшило нѣсколько масонскихъ ложъ, но замѣтивъ, что масоны стали открывать новыя ложи безъ разрѣшенія и начали вступать въ сношенія съ тайными политическими обществами и вмѣшиваться въ политику, въ 1820 году однимъ общимъ указомъ вмѣстѣ со всѣми тайными обществами запретило и масонскія ложи. Замѣтимъ, что какъ дѣятельность іезуитовъ, такъ и дѣятельность масоновъ прекращена была Высочайшею волею. Безъ этого благодѣтельнаго распоряженія мы сами, безъ сомнѣнія, не справились бы съ этимъ дикимъ и ядовитымъ насажденіемъ на нашей народной почвѣ, и мы, можетъ быть, видѣли бы и теперь у себя масонскія ложи; такъ какъ за-границею масонство доселѣ существуетъ, а по неисцѣльному недугу подражательности у нашихъ образованныхъ людей все, что есть за-границею, должно быть и у насъ.

Но несравненно болѣе зла, чѣмъ масонство, надѣлало намъ сильное развитіе у насъ *мистицизма,* бывшаго душою и самаго масонства. О мистицизмѣ смутныя понятія имѣетъ наше образованное общество. Онъ въ смыслѣ благотворнаго религіознаго направленія извѣстенъ въ православной церкви изъ глубокой древности, и всегда его послѣдователи пользовались особеннымъ уваженіемъ. Это было ревностное устремленіе подвижниковъ къ внутреннему, непосредственному общенію съ Богомъ и пріобрѣтенію отъ Его всемогущей силы и благодати высшаго духовнаго вѣдѣнія и особыхъ дарованій. Этотъ мистицизмъ, какъ внутреннее, тайное духовное дѣланіе, утверждался на чистомъ исповѣданіи вѣры, на благодатной силѣ таинствъ, на точномъ и неуклонномъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, на борьбѣ со всѣми страстями, на тщательномъ очищеніи сердца и помысловъ и на непрестанной умной молитвѣ. Его смыслъ и значеніе опредѣлены словами апостола Павла: *ревнуйте дарованій большихъ* (1 Кор. 12, 28, 31) и обѣтованіями Спасителя: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8) и *любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Этотъ путь проходимъ былъ подвижниками въ строгомъ послушаніи церкви; они находили на немъ совершенную свободу духа, благодатныя

утѣшенія, откровенія, дары вѣдѣнія, прозорливости и чудотвореній. Онъ былъ изученъ ими со всѣми условіями постепеннаго восхожденія, трудностями и опасностями. Отъ вступленія на него подвижники остерегали людей неприготовленныхъ и увлекающихся, обращая ихъ на общій путь христіанской жизни, а для испытанныхъ и благонадежныхъ ревнителей этого духовнаго совершенства писали опытныя и подробныя наставленія, которыя можно назвать высочайшею духовною психологіею, или наукою о развитіи въ духѣ человѣческомъ величайшихъ совершенствъ, дѣлающихъ его еще на землѣ небожителемъ. Таковы руководства къ подвижнической жизни греческихъ отцевъ Макарія Египетскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Григорія Синаита, Симеона Новаго, и изъ нашихъ соотечественниковъ Нила Сорскаго. Вотъ истинный мистицизмъ, или таинственное восхожденіе христіанина къ Богу и къ непосредственному общенію съ Нимъ.— Отъ этого ученія о мистицизмѣ были уклоненія въ западной церкви, отмѣченныя исторіею еще съ среднихъ вѣковъ, но совершенное искаженіе его мы видимъ въ сектахъ, развившихся изъ протестантства. Въ этомъ искаженномъ видѣ его и наслѣдовали наши образованные искатели истиннаго христіанства помимо православной церкви.

Покровителемъ нашего мистицизма явился самъ Императоръ Александръ I. Получивъ воспитаніе подъ руководствомъ француза Лагарпа, онъ не былъ наставленъ, какъ должно, въ ученіи православной церкви, и не былъ съ дѣтства поставленъ подъ ея практическое руководство. Но чрезвычайно мягкосердечный и впечатлительный по природѣ, видимо взысканный въ своей царственной жизни благодѣяніями Божіими, особенно въ отечественную войну 1812 года, онъ чувствовалъ на себѣ и своемъ царствѣ особый промыслъ Божій и *искалъ* Бога по чувству благодарности къ Нему. Но участвуя въ богослуженіяхъ своей церкви только по обязанности, онъ не зналъ ея духа и внутренняго устройства, и предубѣжденный противъ нея современниками, видѣлъ въ ней тоже одну внѣшнюю обрядность, сковывающую свободу духа *и вѣру сердца*. Эта-то вѣра сердца и ввела его въ знакомство съ заграничными мистиками Ю. Штиллингомъ, госпо-

жею Криднеръ, съ моравскими братьями, квакерами и др. и открыла мистицизму доступъ въ наше отечество. Масоны первые явились проповѣдниками мистицизма и опять самымъ горячимъ дѣятелемъ Лабзинъ. Показались переводы мистическихъ сочиненій Сенъ-Мартена, Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема, Сведенборга, не было недостатка и въ русскихъ писателяхъ, каковы: Лопухинъ, Лабзинъ, Карнѣева, Хвостова и др.; открыли журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», нагруженный сочиненіями—одно таинственнѣе другого. При первомъ возникновеніи мистицизма, не разобравъ еще его односторонности, обрадовались ему многіе изъ чисто православныхъ людей и изъ духовенства, какъ противодѣйствію духу невѣрія, распространеннаго у насъ раньше французскими энциклопедистами. Участіе въ этомъ движеніи такихъ людей, какъ графъ Сперанскій, поддерживало довѣріе къ новому ученію. Но Сперанскій, какъ глубокій мыслитель, скоро понялъ ложное направленіе этого ученія, и отказался отъ него, такъ какъ оно отрицало участіе разума въ познаніи вѣры, слѣдовательно и важность догматовъ церкви, искало въ Священномъ Писаніи и библейскихъ событіяхъ только таинственнаго смысла, вопреки толкованію ихъ церковію, признавало только церковь *внутреннюю,* уничижая церковь видимо существующую, искало пути къ общенію съ Богомъ помимо святыхъ таинствъ и безъ борьбы съ грѣхомъ и страстями, обѣщало высшее благо, какъ говоритъ профессоръ Знаменскій, «въ покоѣ созерцанія, когда душа всецѣло погружается въ таинственный божественный мракъ, равный неизреченному свѣту божества, въ состояніе полнаго упраздненія человѣческой самости, или духовной нищеты, безусловно пассивнаго погруженія въ Божество и чистѣйшей любви къ Нему, безъ страха вѣчныхъ мукъ и безъ всякой мысли о своемъ вѣчномъ спасеніи» *). Это именно то, что наши богомудрые отцы назвали духовной прелестью, или самообольщеніемъ.

Ложный мистицизмъ оставилъ въ нашемъ отечествѣ неисчислимыя вредныя послѣдствія. Императоръ Александръ, увлеченный заграничными идеями объ учрежденіи универ-

*) Тамъ же, стр. 482.

сальной религіи, которая совмѣщала бы въ себѣ всѣ христіанскія вѣрованія съ уничтоженіемъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей, относился хладнокровно ко всѣмъ религіознымъ направленіямъ. Князь Голицынъ, ставшій министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, окружилъ себя всякаго рода мистиками и оказывалъ покровительство всевозможнымъ сектамъ. «Библейское Общество», открытое въ 1813 году и въ началѣ оказавшее услуги церкви распространеніемъ въ народѣ слова Божія и починомъ въ переводахъ Священнаго Писанія на русскій языкъ, вскорѣ наполнилось католиками, уніатами, протестантами и всякаго рода мистиками. Состоя подъ покровительствомъ самого Государя, оно устранило Святѣйшій Сѵнодъ отъ наблюденія за распространеніемъ Библіи и духовныхъ книгъ. Проповѣдуя универсальное христіанство, оно поставило себя выше всѣхъ частныхъ церквей, въ томъ числѣ и православной, которую признавало искаженною и узкою формою христіанства. Оно рѣшилось открыть греческой церкви ея заблужденія и оживотворить ея вѣру. Дѣятельность Общества обратилась въ настоящую пропаганду мистицизма и наполнила русскую литературу цѣлою массою мистическихъ книгъ *). Писатели православнаго направленія, рѣшавшіеся защищать отечественную вѣру противъ наплыва лжеученій, какъ ректоръ Петербургской семинаріи архимандритъ Иннокентій Смирновъ, подвергались гоненіямъ за то, какъ сказано въ одной офиціальной бумагѣ министерства, что защищали «наружную церковь противъ внутренней и шли противъ началъ, руководствующихъ наше христіанское правительство» **). Замѣтимъ, что и Библейское Общество закрыто было по Высочайшему повелѣнію Николая I-го въ 1826 году.

Мистицизмъ начала нынѣшняго столѣтія былъ истиннымъ покровителемъ и магометанства, и буддизма, и раскола, и духоборства, и молоканства, и хлыстовщины, и даже скопчества, «съ внутренней его стороны, какъ сказано въ одномъ офиціальномъ документѣ, за исключеніемъ тѣлеснаго искаженія». Всѣ секты считаютъ это время своимъ

*) Тамъ же, стр. 432. **) Тамъ же, стр. 438, 439.

золотымъ вѣкомъ. Слѣды этого направленія остались и по настоящее время въ нашемъ законодательствѣ относительно магометанства, буддизма и сектантства, и въ дѣятельности администраторовъ, доселѣ руководствующихся своеобразнымъ понятіемъ о «свободѣ совѣсти», изложеннымъ въ указѣ, изданномъ въ февралѣ 1803 года. Только одна статья этого указа отмѣняется современною практикою, именно: «чтобы священники не раздражали сектантовъ ни состязаніями, ни принужденіями, ни посѣщеніями ихъ домовъ» *).

Тяжелыя воспоминанія,—не правда-ли? Но не утѣшатъ насъ и современныя отношенія къ сектантству нашего образованнаго, даже высшаго общества.

III.

Извѣстно, что изъ многихъ тысячъ русскихъ образованныхъ людей, живущихъ постоянно или подолгу за границею, многіе, не знающіе своей церкви и предубѣжденные противъ нея, относятся съ сочувствіемъ и даже примыкаютъ къ разнымъ европейскимъ религіознымъ общинамъ. Извѣстно также, что и между живущими въ Россіи многіе раздѣляютъ взгляды и понятія о христіанствѣ, навѣянныя новѣйшими европейскими сектантами, какъ видно изъ своеобразныхъ сужденій о вѣрѣ графа Валуева, изложенныхъ въ его сочиненіяхъ субъективно-протестантскаго направленія **). Но организованною сектою со множествомъ членовъ и ярою пропагандою выдается нынѣ между образованными людьми одна, открытая здѣсь въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ полковникомъ Пашковымъ, получившая начало отъ пришельца изъ Англіи, пріѣзжавшаго просвѣщать Россію въ религіозномъ отношеніи, лорда Редстока. Эта секта извѣстна въ народѣ, по имени ея основателя, подъ названіемъ *пашковщины*.

Объяснимъ ея происхожденіе изъ началъ религіозныхъ, главнѣйшіе пункты ея ученія, употребляемыя ею средства пропаганды и ея значеніе для церкви и народа.

---

*) Стр. 494. **) Современныя задачи: Религія и наука, 1886 г. „Часы благоговѣнія“ и Wanderungen auf religiosen Gebiet von einem Ungenannten, 1885 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Издавна существуетъ въ западной Европѣ особое религіозное ученіе подъ именемъ *ѳеософіи*, т. е. богомудрія, въ противоположность «ѳеологіи»—богословію. Это ученіе протестанты направили противъ догматовъ и существующаго устройства католической церкви, а нашимъ образованнымъ обществомъ оно принято, сознательно или безсознательно, какъ орудіе противъ православной церкви. Сущность ученія ѳеософовъ состоитъ въ томъ, что, на основаніи ложно понятыхъ мѣстъ Священнаго Писанія, они полагаютъ, будто всякій вѣрующій во Христа имѣетъ право безъ посредства церкви и ея священства входить въ общеніе съ Богомъ и получать отъ Него озареніе, вѣдѣніе, учительство и другіе дары Святаго Духа. Въ этомъ смыслѣ между прочимъ толкуются слова пророка Іоиля, приведенныя апостоломъ Петромъ въ его проповѣди по сошествіи Святаго Духа на апостоловъ: «излію отъ Духа Моего на всякую плоть; и будутъ пророчествовать сыны ваши и дщери ваши; и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ» (Дѣян. 2, 17). Такъ же понимаются слова евангелиста Іоанна въ Апокалипсисѣ: *сотворилъ есть насъ цари и іереи Богу и Отцу Своему* (Апок. 1, 6). На основаніи подобныхъ мѣстъ Священнаго Писанія утверждается ученіе квакеровъ, піэтистовъ, методистовъ, ирвингіанъ. Отъ этого «богомудрія» происходитъ и пашковщина.

Сколько можно узнать изъ пѣснопѣній, извѣстныхъ подъ именемъ «Любимыхъ стиховъ», распѣваемыхъ пашковцами, изъ брошюръ, ими издаваемыхъ, и изъ намѣренно подчеркнутыхъ мѣстъ Евангелія, распространяемаго ими въ народѣ, ученіе ихъ можетъ быть изложено въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Іисусъ Христосъ, совершивъ спасеніе всего человѣчества Своею крестною жертвою, спасъ насъ всѣхъ и навсегда. Съ нашей стороны, говорятъ пашковцы, ничего не требуется, кромѣ вѣры въ силу этой жертвы; никакой нравственный законъ ни къ чему насъ не обязываетъ, никакихъ дѣлъ и трудовъ отъ насъ не требуется, никакое преступленіе не можетъ отнять у насъ надежду спасенія: только вѣрь и люби Христа.

Вотъ какъ поетъ пашковецъ:

„Снявъ съ насъ закона порабощенье,
Кровь Христосъ пролилъ, вотъ въ чемъ прощенье,
Мучимъ, истерзанъ въ язвахъ, тогда!...
Насъ Онъ тѣмъ спасъ разъ навсегда!
Разъ навсегда! О грѣшникъ, внемли ты,
Разъ навсегда! братъ! вѣрь и молись!
Иго съ тебя крестъ сниметъ тогда,
Насъ Христосъ спасъ навсегда!
Свободны мы, нѣтъ намъ осужденья,
Онъ уготовалъ намъ спасенье;
„Ко мнѣ придите“! вотъ гласъ Христа,
Вы спасены, разъ навсегда!
Разъ навсегда!.. *)

Очевидно, здѣсь смѣшиваются два понятія, первое: искупленіе и спасеніе всего человѣчества Крестною жертвою Іисуса Христа, и второе: усвоеніе лично каждымъ человѣкомъ силы крестной жертвы чрезъ возрожденіе въ таинствахъ благодатію Святаго Духа и вѣрою живою, дѣятельною, сопровождаемою исполненіемъ заповѣдей Божіихъ и нравственнымъ трудомъ очищенія сердца. Поэтому нельзя надѣяться получить спасеніе одними выраженіями благодарности и любви ко Христу. Господь Самъ сказалъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ* (Мат. 7, 21). *Аще кто любитъ Мя, заповѣди Моя соблюдетъ. Имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 23, 21). А заповѣди Господни извѣстны: каждый вѣрующій въ Него долженъ взять крестъ свой, крестъ борьбы съ грѣхомъ и страстями, и послѣдовать за Нимъ (Мат. 16, 24); узкими вратами должно входить въ царствіе Божіе (Мат. 7, 13) и усиліями достигать его (Мат. 11, 12). Только въ брачной одеждѣ, убѣленной слезами покаянія, можно будетъ вѣрующимъ войти на вѣчную вечерю Христову (Мат. 22, 12). Поэтому рано пѣть побѣдныя пѣсни тому, кто изъ борьбы съ своими страстями не вышелъ побѣдителемъ, и напрасно поетъ пашковецъ:

*) Любимые стихи, № 25.

„Таковъ, какъ есмь, во имя крови,
За насъ пролитой на крестѣ,
Во имя Божьихъ призываній,
Христосъ, я прихожу къ Тебѣ!
Таковъ, какъ есмь, слѣпой и бѣдный,
Добра не находя въ себѣ,
За вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ,
Христосъ, я прихожу къ Тебѣ!
Таковъ, какъ есмь, меня Ты примешь,
Дашь жизнь, спасенье, миръ Твой мнѣ;
Къ тебѣ я прихожу, Спаситель,
Дай мнѣ тебя познать вполнѣ!
Таковъ, какъ есмь,—Твоей любовью
Низвергнулъ Ты преграды всѣ;
Я Твой отнынѣ и во вѣки;
Христосъ, я прихожу къ Тебѣ!

Въ этомъ дерзновенномъ порывѣ ко Христу, съ увѣренностію быть принятымъ «каковъ онъ есть», пашковецъ можетъ встрѣтить «преграду», поставленную самимъ Христомъ, и услышать отъ Него: *друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна? Связавше руцѣ и нозѣ, возмите его и ввергите въ тьму кромѣшную* (Мат. 22, 12, 13).

2) По ложному протестантскому понятію, что спасеніе достигается одной вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ и что смертію Христовою открытъ прямой доступъ къ общенію съ Богомъ для всякаго желающаго, для всякаго грѣшника, «каковъ онъ есть», безъ посредства церкви, пашковцы отвергаютъ церковь со всѣми ея таинствами и учрежденіями. «О грѣшникъ, читаемъ въ одной пашковской брошюрѣ: не полагайся на твои заслуги, на твое доброе сердце, на твои добродѣтели, на твою благотворительность... Ни воспріятіе святыхъ таинствъ, ни соблюденіе наружныхъ обрядовъ, ни символъ вѣры, прочитанный устами, а не сердцемъ, ничто, даже сама церковь, не можетъ спасти тебя!.. Иные полагаются еще на своего духовника, разрѣшающаго имъ ихъ грѣхи въ таинствѣ покаянія. О заблужденіе изъ заблужденій! Духовникъ твой такой же грѣшный человѣкъ, какъ и ты. Онъ не можетъ спасти собственной грѣховной души, какъ же ты хочешь ожидать отъ него, чтобы онъ спасъ твою душу? Другіе обращаются съ мольбой объ ихъ спасеніи къ Ангеламъ, къ святымъ угодникамъ

Божіимъ,—и это вотще *). Не жди хожденія твоего *въ церковь* для принесенія твоей молитвы; молиться можешь ты вездѣ **). Христосъ пришелъ на землю спасти міръ отъ грѣха и смерти, и въ замѣнъ этого требуетъ отъ насъ одной только вѣры» ***). Мысли о спасеніи одною вѣрою, по силѣ заслугъ Христовыхъ, безъ добрыхъ дѣлъ, пашковцы развиваютъ на всѣ лады во всѣхъ своихъ изданіяхъ. Поэтому ихъ положительное ученіе, лишенное того содержанія, какое даетъ православной церкви изъясненіе всѣхъ догматовъ вѣры и закона нравственнаго,—крайне скудно. Оттого они, какъ видимъ изъ приведеннаго отрывка, тотчасъ же впадаютъ въ направленіе отрицательное, т. е. обращаются къ порицанію церкви и къ увѣщаніямъ православнымъ, чтобы они не вѣрили тому или другому въ ея ученіи и установленіяхъ. Здѣсь пашковцы необыкновенно плодовиты, такъ какъ предметовъ, не соотвѣтствующихъ ихъ взглядамъ, въ церкви чрезвычайно много. Ты уже спасенъ крестною жертвою Христовою, слѣдовательно тебѣ не нужны святыя таинства и ихъ служители. Ты спасенъ Самимъ Христомъ, слѣд. тебѣ не нужно посредство святыхъ, ихъ молитвы и почитаніе ихъ. Ты спасенъ Самимъ Христомъ, слѣд. тебѣ не нужны никакіе подвиги борьбы съ плотію и грѣхомъ, и ты напрасно почитаешь угодниковъ Божіихъ и ихъ изображенія и проч. Они думаютъ замѣнить всѣ писанія святыхъ отцевъ и учителей церкви тощими поученіями своихъ «боговдохновенныхъ» проповѣдниковъ и величественное богослуженіе православной церкви пѣніемъ плохихъ стиховъ съ музыкою, и вмѣсто покаянныхъ и богоугодныхъ трудовъ истинныхъ христіанъ довольствуются изліяніемъ Христу своей праздной и мечтательной любви. Сколько тутъ остается христіанства?

3) Пашковцы, по примѣру европейскихъ сектантскихъ общинъ новѣйшаго направленія, думаютъ видѣть въ своихъ самочинныхъ собраніяхъ тоже церковь. Какую же? Говорятъ: апостольскую. Какъ въ первое время по вознесеніи Христовомъ проповѣдниками вѣры были Апостолы и всѣ увѣровавшіе во Христа, и всѣмъ были раздаваемы дары Святаго Духа:

*) „Приди ко Христу“, стр. 38, 39. **) Стр. 54. ***) Стр. 61.

такъ, говорятъ, должно быть и нынѣ, такъ и у нихъ, у пашковцевъ. Объ этомъ раздаяніи дарованій апостолъ Павелъ говоритъ: «каждому дается дарованіе Духа на пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія тѣмъ же Духомъ; иному вѣра тѣмъ же Духомъ; иному даръ исцѣленій тѣмъ же Духомъ; иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ» (1 Кор. 12, 7, 10). На всѣ эти дарованія объявляютъ притязанія и пашковцы. И у нихъ есть замѣняющіе апостоловъ учители и толкователи Писанія и пр., не слышно только, есть ли чудотворцы. Очевидно, что пашковцы, признавая свою церковь апостольскою, думаютъ возвратить то время, когда церковь, по ихъ мнѣнію, была совершенно свободною, но въ сущности не была еще строго опредѣленною и установленною, когда, по свидѣтельству исторіи, апостолы только еще основывали и созидали вселенскую церковь Христову, по Его обѣтованію: *созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18). Изъ такого понятія пашковцевъ о церкви апостольской слѣдуетъ заключеніе, что апостолы не успѣли исполнить повелѣнія Христова объ учрежденіи церкви, что церковь доселѣ еще не создана, что двѣ тысячи лѣтъ ея не было, и теперь только, по примѣру первыхъ апостоловъ, она открывается новыми апостолами. Есть ли здѣсь смыслъ? Можно не признавать истинною ту или другую церковь, то или другое христіанское исповѣданіе, но заходить такъ далеко въ борьбѣ съ существующими исповѣданіями и отрицать историческое бытіе церкви — значитъ утверждать, вопреки обѣтованію Христову, что врата адовы одолѣли церковь. Явная несообразность. Пашковскіе учители замѣняютъ апостоловъ! Но если они знаютъ Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, то должны знать, что апостолы—и двѣнадцать, и семьдесятъ были избраны и призваны Самимъ Іисусомъ Христомъ, что они были *самовидцами* Его (Лук. 1, 2), что они были предназначены быть *свидѣтелями* Его (Лук. 24, 48) предъ всѣмъ міромъ, что они получили непосредственно отъ Него власть *вязать* и *рѣшить* (Матѳ. 16, 19): знаютъ ли всѣ эти права за собою пашковскіе апостолы? Знаютъ ли они изъ Дѣяній Апостольскихъ, какъ были наказаны сыновья первосвя-

щенника Скевы за присвоеніе апостольской власти, когда, по примѣру апостола Павла, осмѣлились изгонять злыхъ духовъ «именемъ Господа Іисуса, говоря: заклинаемъ васъ Іисусомъ, Котораго Павелъ проповѣдуетъ. Злой духъ, читаемъ въ Дѣяніяхъ, сказалъ имъ въ отвѣтъ: Іисуса я знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ, а вы кто? и бросился на нихъ человѣкъ, въ которомъ былъ злой духъ, и одолѣвъ ихъ, взялъ надъ ними такую силу, что они нагіе и избитые выбѣжали изъ того дома» (Дѣян. 19, 13—16). Объ этомъ фактѣ надо подумать пашковскимъ апостоламъ.

И въ своемъ ученіи о раздаяніи благодатныхъ даровъ непосредственно отъ Самого Христа каждому вѣрующему помимо церкви пашковцы также противорѣчатъ Священному Писанію и исторіи. Господь Іисусъ Христосъ, искупивши насъ и пріобрѣтши намъ право отъ Отца Небеснаго на полученіе даровъ Святаго Духа, Самъ указалъ путь, какимъ эти дары по вознесеніи Его будутъ ниспосланы на землю, и кому будетъ дарована власть раздаянія ихъ всему роду человѣческому, всѣмъ поколѣніямъ вѣрующихъ до конца міра. Онъ сказалъ апостоламъ предъ Своими страданіями: «Утѣшитель же, Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ» (Іоан. 14, 26). Предъ Своимъ вознесеніемъ на небо Онъ повелѣлъ апостоламъ не отлучаться изъ Іерусалима и ждать исполненія этого обѣтованія (Дѣян. 1, 4). Оно и исполнилось въ день Пятьдесятницы сошествіемъ Святаго Духа на апостоловъ, которое было сопровождаемо знаменіями и чудесами. Тогда-то апостолъ Петръ и указалъ въ этомъ самомъ событіи исполненіе пророчества Іоиля: «излію отъ Духа Моего на всякую плоть», и это значило, что другаго пути къ дарамъ Святаго Духа мимо апостоловъ не будетъ. Они и были источниками этихъ даровъ во всѣхъ видахъ для всего человѣчества, сообщивъ ихъ чрезъ рукоположеніе епископамъ и пресвитерамъ. Такъ, святой апостолъ Павелъ рукоположилъ во епископовъ Тимоѳея и Тита, а сіи каждый въ своей области рукоположили пресвитеровъ, для раздаянія даровъ благодати всѣмъ вѣрующимъ чрезъ святыя таинства. Такимъ образомъ, церковь стала сокровищницею даровъ

Святаго Духа, въ которой, по слову апостола Петра, отъ божественной силы Христовой «даровано для насъ все потребное для жизни и благочестія» (2 Петр. 1, 3) и всѣ освященные служители церкви какъ первоначально получили, такъ и доселѣ получаютъ всѣ свои дарованія и права преемственно отъ Самого Іисуса Христа, какъ говоритъ апостолъ Павелъ: «Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ для созиданія тѣла Христова», т. е. церкви (Еф. 4, 11, 12). Теперь спрашивается: если пашковцы вѣруютъ во Христа и спасены Христомъ, то гдѣ и какъ Христосъ сообщаетъ имъ особыя благодатныя дарованія, когда они отказываются принимать отъ церкви начальные дары возрожденія и освященія, безъ которыхъ невозможно полученіе такихъ, которыя апостолъ Павелъ называетъ «большими» (1 Кор. 12, 31), какъ дары высшаго вѣдѣнія, пророчества и пр.? Обѣщалъ ли Іисусъ Христосъ открыть чрезъ двѣ тысячи лѣтъ какому либо апостольскому религіозному обществу особый путь для полученія даровъ Святаго Духа, оставивъ первый путь, Имъ самимъ установленный? Значитъ, собственныя молитвы пашковцевъ и пѣніе стиховъ вновь отверзаютъ имъ небеса для особаго сошествія на нихъ Святаго Духа? Значитъ, ихъ залы, гдѣ они собираются, равнозначительны горницѣ іерусалимской? Какая дерзость! Какое самообольщеніе!

То же надобно сказать и о правахъ на предстояніе въ молитвѣ и совершеніе богослуженія. И пашковцы, вмѣстѣ съ подобными имъ еретиками, думаютъ имѣть у себя священниковъ, криво толкуя приведенныя нами слова евангелиста Іоанна: *сотворилъ есть насъ цари и іереи Богу и Отцу Своему*. По самому сочетанію этихъ словъ видно, что здѣсь изображается только особенная близость къ Богу и высокое нравственное достоинство новозавѣтныхъ вѣрующихъ, а не права священства въ собственномъ смыслѣ. Если, по буквальному смыслу этихъ словъ, каждый христіанинъ можетъ быть священникомъ, то каждый можетъ считать себя и царемъ, что несогласно съ здравымъ смысломъ. Честь и права священства, по слову апостола Павла, *никтоже самъ себѣ пріемлетъ, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ* (Евр.

провинціи, имѣлъ смутныя свѣдѣнія о дѣятельности пашковцевъ въ здѣшней столицѣ. Но меня поразило то, что всѣ здѣшніе православные жители громко и безъ стѣсненія говорятъ о необычайномъ распространеніи здѣсь пашковщины не только въ сословіяхъ такъ называемыхъ образованныхъ, но и въ простомъ народѣ. Говорятъ, что здѣсь есть цѣлые дома, принадлежащіе пашковцамъ, или нанимаемые ими, гдѣ находятъ пріютъ и готовое содержаніе престарѣлые люди и дѣти, гдѣ и здоровые крестьяне, поступившіе въ секту, находятъ легкій заработокъ и хорошее жалованье. Здѣсь пашковцами открыты дешевыя столовыя, чайныя, швейныя заведенія, магазины и многочисленныя школы, гдѣ работаютъ во всю силу послѣдовательницы Пашкова. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ иконъ нѣтъ, но вездѣ въ большомъ количествѣ разложены брошюры и портреты Пашкова. Не имѣя съ своей стороны причины сомнѣваться въ достовѣрности этихъ свѣдѣній, я предоставляю убѣдиться въ ихъ справедливости вамъ самимъ, мои почтенные слушатели, какъ жителямъ Петербурга. Но я не могу не привести выдержки изъ записки, доставленной мнѣ по слуху, что я пишу о пашковщинѣ, одною почтенною дамою, ревнительницею православія, г-жею Л., имѣющею около 80 лѣтъ отъ роду. Вотъ что она пишетъ: «Привыкши слѣдить и наблюдать за всѣмъ, что дорого православному христіанину, я смущена была слухомъ, что пріѣхалъ проповѣдникъ изъ Англіи, на Сергіевской улицѣ читаетъ поученія и зало всегда наполнено аристократами. Сердце мое почуяло опасность. Потомъ узнаю, что Редстокъ избралъ Пашкова въ апостолы, и у него на квартирѣ каждый день собираются слушатели отъ 7 до 9 часовъ вечера. Доступъ свободный отъ генерала до мужика. Чтобы имѣть понятіе, что и какъ тамъ происходитъ, я пришла въ 6 часовъ и пріобрѣла пять книжекъ, разложенныхъ тамъ на стульяхъ. Размѣщеніе было— какъ въ театрѣ: сцена была отдѣлена рѣшеткой, и тамъ стояли два ряда креселъ. Чтобы узнать, для кого такія привилегированныя мѣста, я хотѣла пройти туда, но меня не допустили и сказали, что тамъ сидятъ уже очищенные, а два ряда передъ рѣшеткою назначены для приготовляющихся къ очищенію. Хотя это было весною, при дневномъ свѣтѣ,

но окна были плотно завѣшены, и горѣла люстра. За четверть часа до выхода Пашкова его ассистентки стали обращаться къ публикѣ съ вопросами: чувствуютъ ли сидящіе его приближеніе? Я довольно громко сказала, что ничего не чувствую, да думаю, и другіе тоже. На меня его глашатайница злобно посмотрѣла и отвернулась. Но вотъ выходитъ Пашковъ съ поникшей головой и опущенными глазами, становится къ пюпитру; то подымаетъ, то опускаетъ глаза и руки, приказываетъ открыть книжки, называетъ №; я вижу притчу о блудномъ сынѣ. Онъ опять продѣлываетъ ту же комедію. Я не удержалась и сказала своей сосѣдкѣ: да что это Пашковъ ломается? Но моя сосѣдка взяла меня за руку и остановила. Это, говоритъ, онъ представляетъ Христа и вдохновляется. По довольномъ вдохновеніи, онъ началъ объяснять, что Христосъ спасъ и искупилъ своими страданіями всѣхъ грѣшниковъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, что онъ грѣшниковъ больше любитъ. Я опять не выдержала и громко сказала: что же онъ не договариваетъ, что Господь съ радостію пріемлетъ грѣшника кающагося? За это многіе злобно посмотрѣли на меня уже изъ первыхъ рядовъ. Вдругъ заигралъ органъ, всѣ запѣли что-то веселое; словъ разобрать я не могла. Я встала и у дверей говорю человѣку: взялъ бы ты ушатъ холодной воды, да и окатилъ-бы своего сумасшедшаго барина. Выхожу на лѣстницу и вижу: направо, на большой площадкѣ, на бархатныхъ коврахъ и такихъ же подушкахъ лежатъ двѣ дамы въ бѣлыхъ пеньюарахъ. Вотъ думаю, и импровизированныя мvроносицы... У подъѣзда экипажи графинь, княгинь и другихъ титулованныхъ особъ, охраняемые полиціею. Потомъ почему-то пашковцы прекратили гласныя собранія и стали дѣйствовать въ тайныхъ притонахъ». Изъ случаевъ совращенія пашковцами простыхъ людей, разсказываемыхъ г-жею Л., особенно интересны три. Изъ одного бѣднаго семейства пашковцы взяли въ свой пріютъ дѣвочку. На другой день дѣвочка въ слезахъ прибѣгаетъ къ матери и говоритъ ей: «образокъ, который ты мнѣ дала и повѣсила надъ кроватью, какая-то дама сорвала, бросила на полъ, что-то много говорила, и потомъ не знаю, куда дѣвала. А одна тамошняя старушка говоритъ мнѣ: пока

ты еще не погибла, бѣги потихоньку домой; вѣдь ты попала къ пашковцамъ». Другой случай: изъ общей квартиры, занимаемой бѣдными людьми, ушелъ куда-то жилецъ. На другой день возвращается и говоритъ своимъ прежнимъ сожителямъ, указывая на иконы: «бросьте вы эти ваши доски, и сдѣлайте, какъ я. Вчера я ушелъ отсюда оборванцемъ, а теперь, какъ видите, обутъ и одѣтъ, да еще получилъ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ». Еще: одинъ бѣднякъ придумалъ слѣдующее средство выдти изъ нужды: написалъ одной графинѣ, что онъ пашковецъ и терпитъ крайнюю нужду. Онъ занималъ комнату подлѣ кухни и такъ какъ зналъ, что пашковцы не терпятъ иконъ, вынесъ свою икону изъ комнаты въ кухню и плотно затворилъ дверь. На другой же день пріѣзжаетъ барыня, и осмотрѣвши углы комнаты и не видя иконъ, даетъ ему 25 рублей. Не прошло недѣли, является другая и даетъ 10 рублей. Еще черезъ недѣлю является третья; но на бѣду дверь въ кухню не плотно была притворена; барыня увидѣла тамъ икону, плюнула и уѣхала.

Пропаганда пашковщины въ провинціяхъ развилась въ огромныхъ размѣрахъ. Еще въ 1876 году самъ Пашковъ началъ проповѣдь своего ученія крестьянамъ въ своемъ имѣніи Нижегородской губерніи; потомъ, въ 1882 г., разъѣзжалъ по разнымъ губерніямъ, вездѣ оставляя послѣ себя центры пропаганды подъ наблюденіемъ своихъ избранныхъ послѣдователей, сыпалъ деньги, раздавалъ свои изданія. По выѣздѣ его за границу дѣло его взяли въ свои руки богатые и знатные люди и продолжаютъ его доселѣ. Разрѣшенное въ 1876 году по ихъ ходатайству правительствомъ «Общество распространенія духовно-нравственнаго чтенія» послужило прикрытіемъ для распространенія Евангелія съ подчеркнутыми текстами и брошюръ съ красною печатью общества и съ надписью: «дозволено цензурою». Въ 1875 году съ тою же цѣлію основанъ журналъ: «Рабочій», въ которомъ проводились идеи Пашкова чрезъ картины и статьи, а также чрезъ одностороннее заимствованіе нѣкоторыхъ частей изъ твореній святыхъ Тихона Воронежскаго, Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго и др. Затѣмъ потекло по всей Россіи необъятное количество отдѣльныхъ брошюръ, между которыми намѣренно были раз-

даваемы немногія статьи безукоризненнаго содержанія, но большинство пашковскаго направленія. Мнѣ въ настоящее время извѣстно болѣе 70-ти брошюръ подъ разными наименованіями: «Примирись съ Богомъ», «Взирай на Іисуса», «Благодатное дитя», «Брачный пиръ», «Радостная вѣсть» и др. Есть у пашковцевъ особые книгоноши, которые, смѣшиваясь съ книгоношами, имѣющими разрѣшеніе отъ правительства, не забываютъ и пропаганды, сопровождая ею раздачу книгъ. Многія брошюры запрещены Святѣйшимъ Сѵнодомъ, но это не останавливаетъ ихъ распространенія. Въ одной изъ южныхъ губерній благочестивый военный начальникъ прислалъ большой тюкъ съ книгами въ церковно-приходскую школу. Когда ему дали знать, что это пашковскія брошюры, запрещенныя Святѣйшимъ Сѵнодомъ, онъ отвѣчалъ: «а я почемъ знаю? онѣ дозволены цензурою. Я добра желаю». Теперь можно сказать, что нѣтъ губерніи, гдѣ бы не было пашковскихъ брошюръ. Въ 1886 году были арестованы въ Сибири брошюры пашковскаго направленія, переведенныя на инородческіе языки и распространяемыя между инородцами *).

Интересно вдуматься въ причины этой изумительной ревности пашковцевъ въ распространеніи своего ученія.

По исторіи сектантства въ христіанскомъ мірѣ видно, что нѣкоторые изъ сектантовъ доходятъ до фанатизма въ своей ревности къ распространенію своего ученія по убѣжденію въ мнимой его истинности, упорно отказываясь отъ всякаго безпристрастнаго изслѣдованія противопоставляемыхъ имъ доказательствъ; таковы наши старообрядцы. Другіе, отдѣлившись отъ своихъ прежнихъ исповѣданій, или общинъ, къ которымъ принадлежали, видя свою малочисленность и не чувствуя твердой почвы подъ собою, по тайному опасенію оказаться на ложномъ пути, стараются умножать число своихъ послѣдователей, чтобы успокоить себя обширнымъ распространеніемъ своей секты, думая, что вотъ-де сколько насъ прибыло: стало быть, мы истинные христіане, когда люди идутъ къ намъ такъ охотно. Не знаемъ, есть ли эти побужденія въ душахъ паш-

*) См. Правосл. Обозрѣніе 1890 г. том. I, стр. 495—523, 625—689, Церк. Вѣст. 1880 г., Церк.-Общ. Вѣстн. 1880 г. №№ 41 и 42, Вѣра и Разумъ, Лист. 1886 г.

ковцевъ, но знаемъ, что у нихъ есть еще особенное побужденіе, свойственное именно нашимъ образованнымъ людямъ. Вспомните, чего хотѣли наши масоны. Учрежденія особаго христіанскаго общества на мѣсто церкви, которая, по ихъ мнѣнію, утратила вліяніе на народъ. Чего хотѣли наши мистики? Учрежденія церкви «внутренней», т. е. раціональной, на мѣсто существующей видимо церкви православной, обремененной, по ихъ мнѣнію, внѣшними обрядами и держащей народъ въ порабощеніи своимъ учрежденіямъ и особенно духовенству. Вотъ къ этимъ то просвѣтителямъ нашего народа и освободителямъ его отъ послушанія церкви принадлежатъ и новые ревнители о благѣ его въ образѣ пашковцевъ, которые, освобождая его отъ всѣхъ внѣшнихъ подвиговъ благочестія и снимая съ него всякую отвѣтственность за грѣхи и преступленія, открываютъ ему горизонтъ свободы еще болѣе обширный, чѣмъ масоны и мистики. Эти новые просвѣтители заимствовали изъ протестантства мнѣніе, что съ прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества къ совершенству, во всѣхъ отрасляхъ его жизни, должно быть усовершаемо и христіанство съ учительной и нравственной стороны, что его догматы должны быть развиваемы согласно съ духомъ времени, и жизнь народовъ должна быть освобождаема отъ старинныхъ стѣснительныхъ формъ. Это такъ близко совпадаетъ съ ложнымъ философскимъ направленіемъ нашего образованія, о которомъ мы бесѣдовали прежде, что пашковщина оказывается другою враждебною силою, идущею рядомъ съ первою и направляющеюся къ той же цѣли, т. е. къ разрушенію нашей церкви и основныхъ началъ и устоевъ нашей народной жизни. Одна идетъ съ научной, другая съ религіозной стороны. Онѣ, можетъ быть, и не чуютъ другъ друга, но печальныя послѣдствія этого двойнаго, враждебнаго нашему отечеству движенія не трудно предвидѣть.

Но положеніе нашего отечества въ будущемъ представится намъ нетолько опаснымъ, но и страшнымъ, если мы вспомнимъ, что вмѣстѣ съ пашковщиною идетъ еще другое религіозное движеніе, направляемое на народъ нашъ,—это *штунда*. Пашковщина идетъ сверху, штунда снизу; но такъ какъ та и другая секта не обрядоваго (какъ расколъ), а

раціональнаго характера: то въ направленіи той и другой нельзя не чувствовать участія людей высшаго разряда. Штунда, говорятъ, пошла изъ нѣмецкихъ колоній, но не крестьяне же нѣмецкіе даютъ ей такое рѣшительное движеніе и такое быстрое распространеніе. Въ Россіи ли живущими образованными дѣятелями, или иностранными направляется штунда,—для насъ это все равно; важно существо дѣла. Штунда, какъ отрасль протестантства, болѣе близка къ нему, чѣмъ пашковщина, но для нашего народа та и другая имѣютъ одинаково развращающее значеніе. Обѣ секты отрицаютъ все, на чемъ держится вѣра нашего простого народа,—и православные догматы, и таинства, и почитаніе святыхъ, и пр. Для пашковцевъ вожделѣнно, чтобы штунда распространялась (да, они несомнѣнно и содѣйствуютъ этому тайными сношеніями своихъ агентовъ съ штундистами и денежными пособіями), потому что народъ, лишенный своихъ вѣрованій, легко сдѣлается и добычею пашковщины. Да и во всякомъ случаѣ пашковцу милѣе штундистъ, чѣмъ православный христіанинъ. Но штунда, какъ и пашковщина, обняла уже обширную часть Россіи: Югозападный край, Малороссію, землю войска Донскаго, а по послѣднимъ извѣстіямъ показалась уже и въ сѣверныхъ губерніяхъ. Штундисты считаются уже десятками тысячъ и день ото дня становятся смѣлѣе и самоувѣреннѣе. «Вотъ», слышимъ мы въ Малороссіи говоръ простого народа, «всѣ наши земли скупаютъ нѣмцы, вся наша сторона скоро будетъ отдана нѣмецкому царю. Когда онъ придетъ, тѣ, которые перейдутъ въ его вѣру, будутъ ему любезны и получатъ большой надѣлъ земли, а православныхъ онъ обратитъ въ крѣпостныхъ». Такимъ образомъ штунда принимаетъ острый политическій характеръ. Распространяя подобныя басни въ народѣ, штундисты пользуются его простотою и успѣшно вербуютъ себѣ новыхъ послѣдователей. Умножаются пашковцы, умножаются братья ихъ штундисты; представимъ, что тѣ и другіе въ народѣ возобладали, что ряды истинно православныхъ людей разрѣдѣли: чѣмъ тогда будетъ русскій народъ, когда сдѣлается раціоналистомъ въ религіи и перестанетъ быть православнымъ? Постараемся представить это себѣ съ возможною ясностію и вѣроятностію.

Мы всѣ надежды свои относительно такъ называемаго развитія нашего народа возлагаемъ на научное образованіе: надежда преувеличенная. Нельзя всѣ 60 милліоновъ русскаго народа обоего пола провести чрезъ университеты, гимназіи и другія учебныя заведенія, сколько бы мы ихъ ни настроили. Если ихъ настроимъ и сотни тысячъ, то простому народу некогда будетъ въ нихъ учиться до надлежащаго умственнаго развитія: онъ занятъ добываніемъ насущнаго хлѣба. И сельскія школы могутъ сообщать крестьянскимъ дѣтямъ начальныя свѣдѣнія—не надолго; матеріальный трудъ задавитъ въ нихъ всякую умственную дѣятельность. Устроить дѣло образованія милліоновъ въ духѣ нравственнаго развитія,—единаго на потребу,—принялъ на Себя Самъ Господь и Спаситель нашъ. Онъ руками вѣрующихъ въ Него устрояетъ нравственныя школы въ видѣ храмовъ и опредѣляетъ къ нимъ учителей, освящаемыхъ Его благодатію для служенія Ему и охраняемыхъ отъ заблужденій познаніемъ и исповѣданіемъ чистаго ученія вѣры. Этихъ божественныхъ школъ мы нынѣ имѣемъ 38 тысячъ, кромѣ монастырей, и онѣ умножаются съ каждымъ годомъ. Здѣсь-то совершается, столько нынѣ любимое, *наглядное* обученіе народа истинамъ вѣры и христіанской нравственности. Говорятъ, что народъ нашъ ничего не знаетъ изъ ученія вѣры и порабощенъ суевѣріямъ. Первое невѣрно, онъ много знаетъ, но еще болѣе *сознаетъ;* второе вѣрно, но въ этомъ виноваты мы, люди образованные, такъ какъ не обращаемъ на него надлежащаго вниманія. Что же знаетъ народъ? Въ святыхъ храмахъ онъ непрестанно слышитъ имя Божіе и въ священныхъ изображеніяхъ видитъ дѣла Божіи, совершенныя для нашего спасенія. Онъ знаетъ Бога вездѣсущаго и всевѣдущаго, какъ видно изъ опытовъ. Когда образованный человѣкъ соблазняетъ простую душу на грѣхъ и успокоиваетъ ее тѣмъ, что никто ничего не узнаетъ, онъ къ неудовольствію своему получаетъ отвѣтъ: «а Богъ?» Когда доброму крестьянину предлагаютъ выгодное, но нечестное дѣло, онъ говоритъ: «грѣхъ», т. е. указываетъ на нравственное начало для охраненія отъ преступленій, которое нынѣ для многихъ образованныхъ людей потеряло всякое значеніе. Когда грозитъ бѣда, простой христіанинъ говоритъ:

«Богъ милостивъ.» Когда постигаетъ его несчастіе, онъ съ покорностію говоритъ: «воля Божія.» Итакъ, онъ знаетъ Бога, какъ Отца небеснаго всеправеднаго, всеблагаго и всемогущаго, и не только знаетъ, но и имѣетъ Его свидѣтелемъ своей жизни и уповаетъ на Него, какъ Промыслителя. Лишите его храма, какъ дома Бога живаго, гдѣ онъ постоянно сердцемъ чувствуетъ Его присутствіе, замѣните его сухою школою, или мертвымъ пашковскимъ и штундистскимъ собраніемъ, вы потеряете силу, внѣдряющую въ глубину душъ христіанскихъ истинное богопознаніе; вѣра обратится въ голыя школьныя понятія, или въ отвлеченныя безкачественныя представленія.

Побужденія къ исполненію нравственнаго закона божественное училище храма не указываетъ только, а воспитываетъ, утверждаетъ въ самой душѣ, и не въ видѣ стремленія къ матеріальной пользѣ, не *въ благородномъ самолюбіи*, на которое нынѣ такъ много уповаютъ, а *въ страхѣ Божіемъ*, въ памятованіи о Богѣ правосудномъ, въ просвѣтленіи благодатію Божіею совѣсти, становящейся для христіанина неотлучнымъ свидѣтелемъ и судіею всѣхъ дѣлъ его, наказующимъ за преступленія и ободряющимъ въ добромъ подвигѣ. Народъ чувствуетъ въ себѣ это начало нравственной жизни, и когда совѣсть его непокойна, идетъ къ исповѣди облегчить свою душу отъ накопившихся грѣховъ, по его характерному выраженію,—«поновиться;» идетъ и къ пріобщенію Святыхъ Таинъ, чтобы почерпнуть изъ благодатнаго источника освѣженіе и утѣшеніе для страждущей души своей. Этого духовнаго опыта онъ не объяснитъ вамъ въ точныхъ понятіяхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ христіанскаго ученія (да много ли и мы можемъ объяснить въ этомъ?), но онъ чувствуетъ, что происходитъ въ душѣ его, именно, что онъ внутренно оживаетъ и обновляется, и онъ ищетъ этой духовной пищи, какъ дитя ищетъ груди матери. Ему грѣхъ становится противенъ и страшенъ, какъ враждебная сила, разрушающая его внутренній миръ, похищая его духовное благо. Вотъ чѣмъ объясняется явленіе, которое удивляетъ нашихъ юристовъ, когда преступникъ, вопреки искусной защитѣ своего адвоката, говоритъ: «нѣтъ, я виновенъ», или, когда при недостаткѣ уликъ и при возможности скрыть преступленіе, пре-

ступникъ говоритъ: «возьмите меня, я убійца». Пашковщина и штунда разрушатъ эти основы нравственной жизни нашего народа, отнявъ у него благодатную силу Святыхъ Таинствъ, внутреннія побужденія къ добродѣтели и опыты духовной жизни. Штунда все это у него отниметъ, и ничего ему не дастъ, кромѣ отрицанія и порицанія церкви, а пашковщина кромѣ того, совершенно отрицая необходимость добрыхъ дѣлъ для спасенія, отворяетъ народу двери ко всѣмъ преступленіямъ. Что этого надобно ждать, мы убѣждаемся поведеніемъ молодыхъ крестьянскихъ поколѣній, отвлекаемыхъ отъ церкви разными соблазнами и удивляющихъ насъ чрезвычайнымъ умноженіемъ преступленій, и притомъ въ такихъ страшныхъ видахъ, какъ повальное пьянство, грабежи, покушенія на крушеніе желѣзнодорожныхъ поѣздовъ съ цѣлію разграбленія, отцеубійства, дѣтоубійства и пр., о чемъ прежде и слуху не было. Все это оттого, какъ говоритъ апостолъ, что *нѣсть страха Божія предъ очима ихъ* (Римл. 3, 18).

Народъ нашъ выносливъ и терпѣливъ, солдатъ нашъ удивляетъ весь міръ безропотнымъ перенесеніемъ всевозможныхъ лишеній и страданій—не по одному только природному свойству славянскаго племени, не потому только, что крестьяне наши бѣдны и отъ рожденія ведутъ суровую жизнь, а главнымъ образомъ по своему религіозному складу и настроенію. Кромѣ того, что церковь постоянно внушаетъ ему покорность волѣ и промышленію о насъ Божію, она обогащаетъ его благочестивымъ воспоминаніемъ о подвижникахъ, переносившихъ во славу Божію всякія злострадания. «Угодники Божіи и мученики и не то терпѣли», утѣшаетъ себя русскій человѣкъ и русскій воинъ. Мнѣ скажутъ, что это идеализація русскаго народа, а я отвѣчу: нѣтъ, это его исторія. И такой-то народъ отдается на жертву вражеской штундѣ и безсмысленной пашковщинѣ!

Народъ нашъ любитъ свое отечество до крайняго самоотверженія и самопожертвованія. Это тоже засвидѣтельствовано его исторіею. Но глубочайшее начало этой любви лежитъ не въ привязанности его къ своей территоріи, не отличающейся повсемѣстными удобствами и красотою, не въ историческихъ памятникахъ его дѣятельности, не въ монументахъ

его великихъ людей, не въ великолѣпныхъ сооруженіяхъ государственныхъ, научныхъ и художественныхъ, а главнымъ образомъ въ церковныхъ святыняхъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились его вѣрованія, его благочестивые навыки, его духовныя утѣшенія и воспоминанія. Какъ мы понимаемъ народное выраженіе: «умремъ за вѣру?» Что это? Готовность умереть за одно православное ученіе вѣры? За одну обрядовую сторону своей религіи, которую народъ такъ любитъ? Нѣтъ; здѣсь сознательно, или безсознательно разумѣется вся его духовная жизнь въ совокупности—отъ рожденія въ крещеніи, отъ воспитанія сердца съ дѣтства подъ вліяніемъ Святыхъ Таинствъ и богослуженій—до всѣхъ его нравственныхъ склонностей и любимыхъ добродѣтелей, до всѣхъ его надеждъ временныхъ и вѣчныхъ.

Народъ любитъ своего Царя. Въ его выраженіи готовности на всѣ подвиги во время войны нераздѣльны слова: «за вѣру, царя и отечество». Почему? Потому-что идея и образъ Царя, властителя земного, въ его сознаніи связаны съ вѣрою и любовію къ Царю Небесному. «Богъ на небѣ, Царь на землѣ», говоритъ народъ; вотъ двѣ власти, которымъ онъ безусловно покоряется. Гдѣ связуются эти два понятія, эти два образа? Въ церкви, во внушеніяхъ слова Божія о повиновеніи царю, въ богослуженіяхъ во дни торжествъ въ честь Царя и въ молитвахъ за него. Воля Божія объявляется въ храмѣ съ священнаго амвона въ Евангеліи, съ того же амвона объявляются Высочайшая воля Благочестивѣйшаго Государя Императора. Разорвите эту связь, переставьте идею о царѣ съ церковной почвы на почву свободныхъ сужденій о власти, и вотъ вамъ открытая дорога для всѣхъ внушеній демократическихъ, соціалистическихъ и революціонныхъ. Законы писанные народъ нашъ мало знаетъ, всѣмъ писаннымъ распоряженіямъ правительственныхъ властей онъ повинуется пассивно, но слово Царя, обращенное прямо къ нему и притомъ въ храмѣ Божіемъ, это слово живое, громоносное, потрясающее сердца народа и возбуждающее всѣ его духовныя силы. Вотъ потому то и опасны не только для вѣры, но и для благостоянія государства всѣ эти безумныя секты, что, подрывая въ народѣ благоговѣніе къ церкви

и послушаніе ей, онѣ вмѣстѣ съ этимъ подрываютъ и благоговѣніе къ Власти Самодержавной. Пашковцы и штундисты дѣйствительно открываютъ въ наше отечество широкія ворота, какъ говорятъ малороссы, и нѣмецкому царю, и всякому вражескому нашествію.

Теперь можно сдѣлать выводы изъ тѣхъ данныхъ, какія представляетъ намъ обзоръ движенія сектантства въ нашемъ образованномъ обществѣ почти за два послѣднія столѣтія. Эти выводы каждый можетъ обсуждать по своему, но истинно образованные православные люди, надѣюсь, со мною согласятся.

1) Неестественно положеніе народа и государства, когда образованная часть его, оторвавшись отъ народа, потеряла связь какъ съ нимъ, такъ и съ его исторіею. Какъ ни одна голова безъ тѣла, ни тѣло безъ головы не составляютъ живого организма: такъ ни высшее общество безъ народныхъ массъ, ни эти массы безъ передовыхъ сословій не могутъ удержать цѣльности и силы народной и государственной. Слѣдовательно, намъ, наслѣдникамъ ошибокъ нашихъ предшественниковъ, надобно позаботиться объ уврачеваніи нашего народнаго тѣла, такъ какъ теперь мы обладаемъ всѣми необходимыми для этого познаніями и опытами, которыхъ не имѣли, или не могли имѣть наши предки.

2) Нужно рѣшить вопросъ: что лучше, и что надежнѣе, продолжать-ли нашему образованному обществу увлекать милліоны нашего народа путемъ колеблющагося человѣческаго знанія и чуждыхъ религіозныхъ вліяній въ это мертвое море невѣрія и въ эти дебри сектантства со всѣми ихъ искаженіями въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; или ему самому, этому образованному обществу, возвратиться къ историческимъ началамъ жизни всего русскаго народа и вообще въ общеніе съ тѣми духовными силами, которыя онъ сохранилъ доселѣ?

3) По современному положенію всѣхъ образованныхъ народовъ и опытамъ послѣдняго времени мы можемъ видѣть, что какъ невѣріе, такъ и религіозная рознь уже и принесли много, и въ будущемъ принесутъ еще больше зла и бѣдствій всякаго рода, вездѣ, гдѣ развились эти нрав-

ственныя язвы человѣчества. Слѣдовательно, обращеніе къ вѣрѣ и единству воззрѣній какъ научныхъ, такъ и религіозныхъ составляетъ необходимое условіе цѣлости и жизненности народовъ и государствъ. Это убѣжденіе должно стать въ основаніе всѣхъ нашихъ взглядовъ и сужденій о нашемъ благѣ и народномъ преуспѣяніи.

4) Надобно искренно сознаться, что наши образованные люди перестали понимать свой народъ, а народъ съ своей стороны пересталъ довѣрять имъ. Разъяснить всѣ недоразумѣнія и разсѣять недовѣріе—наша прямая обязанность. А самый прямой путь къ этой цѣли есть возвращеніе въ лоно православной церкви всѣхъ, кто подъ чуждымъ вліяніемъ и по собственной небрежности отдѣлился отъ нея. Изучать основныя черты нашего народа, значитъ придти къ православной церкви, возвратиться въ церковь, значитъ не только пріобрѣсть правильный взглядъ на народъ, но и войти въ живой, духовно-нравственный союзъ съ нимъ.

5) А для этого нужно оставить эти легкомысленныя отношенія къ церкви, которыя нерѣдко дѣлаютъ нашихъ образованныхъ людей похожими на уличныхъ мальчишекъ, бросающихъ каменьями въ грандіозное зданіе и сбивающихъ его художественныя украшенія. Вы отыскиваете въ землѣ съ великими трудами и издержками памятники древней цивилизаціи; вы разрываете мертвые курганы и съ торжествомъ извлекаете изъ нихъ всякую затхлую ветошь; но изъ остатковъ разрушенія и смерти нельзя извлечь жизни. Вы обратитесь къ жизни истинной, которую дало и даетъ міру христіанство. Вы полагаете, что мы высказываемъ только личныя мнѣнія извѣстной партіи, какъ вы привыкли думать, и защищаемъ только свои взгляды и симпатіи; напрасно. Не отвергайте того, чего не знаете, и не унижайте того, чего не понимаете; это не научно. Обратитесь къ изученію Божественнаго Откровенія, углубитесь въ исторію православной церкви, разсмотрите ея нетлѣнные памятники и неветшающія учрежденія, и вы поймете, какого умственнаго свѣта и какой жизни вы себя лишаете. А при этомъ изученіи поставьте принципомъ, въ истинѣ котораго потомъ убѣдитесь, что православную церковь трудно понять съ точки зрѣнія

иного исповѣданія и тѣмъ болѣе разнообразныхъ сектъ. Напротивъ, только съ точки зрѣнія православной церкви, какъ съ вершины, видны всѣ кривые пути, на которые уклонились католичество и протестантство со всѣми происшедшими отъ послѣдняго безчисленными сектами. Тогда только вы поймете неизреченную милость Провидѣнія Божія къ нашему народу, призвавшаго его въ свою истинную церковь и удостоившаго его послужить ея сохраненію и распространенію; поймете и то, почему мы обладаемъ такою необъятною территоріею, и отъ чего народъ нашъ занялъ такое высокое положеніе между другими народами и пріобрѣлъ такое міровое значеніе. Вы поймете, что Богъ былъ съ нимъ и Богъ его возвеличилъ.

6) Но въ этомъ случаѣ наши образованные люди пожалѣютъ только себя, такъ какъ сами обратятся на истинный путь. Но они должны пожалѣть и народъ разлагаемый, какъ мы видимъ, безчисленными сектами, и притомъ въ послѣднее время развращаемый вредными мыслями и дурными примѣрами тѣхъ же ложно образованныхъ людей. Для прекращенія этого зла нужно нашему просвѣщенному обществу прежде всего отрѣшиться отъ двухъ ложныхъ понятій, *о свободѣ совѣсти и о всепрощающей любви.* Нельзя признать право на распространеніе всѣхъ возможныхъ сектъ и заблужденій по принципу свободы совѣсти въ томъ смыслѣ, какъ у насъ затвердили его съ чужого голоса, справедливо признавая, что совѣсть *неприкосновенна,* но не понимая того, что тамъ, гдѣ они хотятъ видѣть и признать свободу совѣсти, *ея вовсе нѣтъ.* Истинное ученіе о свободѣ совѣсти принадлежитъ святому апостолу Павлу (1 Коринѳ. 10, 23—30) и отъ него усвоено православною церковію. Вотъ въ чемъ оно состоитъ: совѣсть, какъ чувство и сознаніе состояній благопріятныхъ и тягостныхъ, испытываемыхъ человѣкомъ по совершеніи добра или зла, есть естественный нравственный законъ, сохранившійся и послѣ паденія человѣка въ его природѣ. Это сознаніе и чувство просвѣтляется познаніемъ закона богооткровеннаго, благодатію Божіею и нравственнымъ трудомъ. Чѣмъ яснѣе и чище становится совѣсть, тѣмъ она чувствительнѣе къ впечатлѣніямъ добра и зла, тѣмъ строже разли-

чаетъ и тѣмъ рѣшительнѣе принимаетъ добро и отвергаетъ зло. Когда человѣкъ нравственнымъ трудомъ и очищеніемъ сердца воплощаетъ въ себѣ законъ Христовъ, и когда совѣсть и ея велѣнія становятся *тождественными съ закономъ Христовымъ:* тогда человѣкъ получаетъ право и *свободу,* безъ опасенія нарушить заповѣдь Божію, дѣйствовать по своей совѣсти; тогда онъ можетъ дозволять себѣ примѣненіе закона къ частнымъ случаямъ жизни, и опредѣленіе взаимныхъ отношеній христіанскихъ обязанностей не по буквѣ, а по духу закона; тогда онъ дѣйствуетъ *по свободѣ совѣсти.* Итакъ, свобода совѣсти есть высшее совершенство христіанина, котораго нельзя признать за всякимъ человѣкомъ безъ разбора. У того, кто грѣшитъ безъ страха отвѣтственности, совѣсть *тупа,* или, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, *сожжена* (1 Тим. 4, 2), кто фанатически преслѣдуетъ разномыслящаго съ нимъ человѣка, у того совѣсть *искажена,* кто позволяетъ себѣ изгороты и предлоги для уклоненія отъ исполненія обязанности, или для корыстныхъ цѣлей ложно толкуетъ законъ, у того совѣсть *фальшива,* или, по церковному выраженію, *лукава* и т. под. Какъ же можно уступить принципъ свободы совѣсти, или дать право дѣйствовать по *своей* совѣсти и изувѣру, и фанатику, и разбойнику? Ихъ совѣсть, напротивъ, требуетъ пробужденія, оживленія, *освобожденія* отъ подавляющихъ ее ложныхъ мыслей, пороковъ и страстей. Итакъ, признавайте за всякимъ человѣкомъ, какъ существомъ свободнымъ, свободу мысли (но безъ права публичнаго выраженія всякой ложной мысли), свободу выбора, свободу дѣла, свободу жить, или умереть, свободу спастись, или погибнуть, но никакъ не *свободу совѣсти.*

Подобныя же ложныя мысли господствуютъ въ нашемъ образованномъ обществѣ и относительно христіанской любви. Основываясь будто бы на Евангеліи, проповѣдуютъ любовь безграничную, всепрощающую, всетерпящую. Но такихъ свойствъ слово Божіе не приписываетъ и безконечной любви Божіей. И эту всеобъемлющую любовь оно изображаетъ нетолько благотворящею, долготерпящею и милующею, но и благопромыслительною, слѣдовательно испытующею, угрожающею и наказующею людей для ихъ спасенія. Для нашей же

ограниченной любви указаны Самимъ Христомъ Спасителемъ два вида ея проявленія: любовь естественная, когда мы, по слову Христову, *любимъ любящихъ насъ* (Мат. 5, 46), т. е. тѣхъ, которые намъ пріятны; и любовь *какъ долгъ* и обязанность, по которой, какъ по заповѣди Божіей, мы должны дѣйствовать не по чувству, а по закону или по долгу любви и тогда, когда намъ это тяжело и непріятно: «любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ» (Мат. 5, 44). Въ этой дѣятельности по *долгу любви* Господь указалъ намъ путь къ пріобрѣтенію истинной божественной любви, уподобляющей насъ Отцу нашему Небесному, *иже солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Мат. 5, 45), и дѣйствующимъ по этому долгу любви Онъ далъ высокое обѣтованіе: *будете сынове Вышняго* (Лук. 6, 36). Вы не можете обнять съ чувствомъ любви убійцу, у котораго еще не обсохла на рукахъ кровь; вы не можете хладнокровно и безъ раздраженія говорить съ дерзкимъ и упорнымъ сектантомъ: не беритесь же дѣйствовать по отношенію къ нимъ съ вашею широкою, всепрощающею любовію (которая большею частію ограничивается одними словами), а поступайте съ ними *по долгу любви,* хотя и вопреки своему чувству: жалѣйте о заблуждающихъ и порочныхъ, будьте снисходительны къ нимъ, но не уклоняйтесь отъ мѣръ исправленія и ограниченія ихъ, отъ предосторожностей относительно ихъ для охраненія отъ ихъ вреднаго вліянія людей честныхъ и здравомыслящихъ. Это и значитъ дѣйствовать по закону *истинной любви.*

7) Еще надъ умами нашихъ образованныхъ людей тяготѣетъ ложное мнѣніе о мирѣ христіанскомъ, объ осторожности относительно иновѣрцевъ и сектантовъ изъ опасенія раздражить умы и страсти и произвести въ обществѣ смуты и безпорядки. И здѣсь смѣшеніе двухъ христіанскихъ понятій: о мирѣ внѣшнемъ, и духовной ревности по вѣрѣ православной. Относительно внѣшняго мира апостолъ Павелъ говоритъ: «если возможно, съ своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми» (Римл. 12, 18). А относительно ревности по вѣрѣ Самъ Гос-

подь сказалъ: «не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ» (Мат. 10, 34); «Огонь пришелъ Я низвесть на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся» (Лук. 12, 25). Это мечъ духовный, это огонь ревности и борьбы вѣрующихъ за божественную истину съ человѣческими заблужденіями. Его мы видимъ въ широкомъ пламени въ первенствующей церкви и въ цвѣтущіе вѣка христіанства. Гдѣ законное поприще этой борьбы? — Въ области мыслей, ученія, преній, нравственныхъ подвиговъ для защиты вѣры и побѣжденія противниковъ. Эта борьба, по слову Спасителя, простирается нетолько на всѣ христіанскія общества, но и на семейства. «Я пришелъ, говоритъ Господь: раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его» (Мат. 10, 35, 36). И это мы видимъ въ древней церкви, когда язычники отдавали женъ и дѣтей своихъ на мученія за исповѣданіе имени Христова, а эти послѣднія шли на страданія съ молитвою на устахъ за своихъ гонителей. Что же изъ этого слѣдуетъ?— Это значитъ, не измѣняй своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ ради какихъ либо человѣческихъ привязанностей и выгодъ; стой за нихъ крѣпко; возвѣщай и защищай ихъ гласно всею силою мысли и слова, но не нарушай мира во внѣшнихъ отношеніяхъ, соблюдай предъ всѣми обязанности христіанской любви; а когда ты не частный человѣкъ, и обязанъ защищать въ своемъ лицѣ права своего общественнаго положенія и власти, тогда дѣйствуй какъ христіанинъ *съ свободною совѣстію,* умѣющій примирить обязанности любви съ правами власти. Вотъ истинныя понятія о совмѣщеніи ревности по вѣрѣ съ соблюденіемъ мира въ христіанскомъ обществѣ. Непониманіе этихъ истинъ, происходящее отъ незнанія православнаго ученія вѣры, и произвело у насъ этотъ индифферентизмъ, этотъ застой, этотъ нравственный сонъ, о которомъ говоритъ Спаситель: «Когда люди спали, пришелъ врагъ хозяина поля, и посѣялъ между пшеницею плевелы, и ушелъ» (Мат. 13, 25). Вотъ теперь, проспавши время, когда нужно было оберегать ниву Божію (въ чемъ виновны и мы, и вы), и радуйтесь на всѣ эти плевелы ложныхъ научныхъ воззрѣ-

ній, религіозныхъ заблужденій и безчисленныхъ сектъ, заполонившихъ наше отечество.

8) Согласно съ истиннымъ ученіемъ о свободѣ совѣсти и христіанской любви и начальники христіанскіе не должны смотрѣть, сложа руки, на распространеніе у насъ сектъ, а мѣрами, дозволенными закономъ, по слову апостола Павла «вразумлять безчинныхъ» (1 Сол. 5, 14), «заграждать уста пустослововъ» (Тит. 6, 10, 11), удалять «смущающихъ» церковь Божію (Гал. 1, 7). Къ несчастію нашему, многіе изъ нашихъ администраторовъ европейскаго образованія не только пропитаны индифферентизмомъ и съ пренебреженіемъ относятся къ своей православной церкви, но съ какимъ-то злорадствомъ смотрятъ на распространеніе у насъ сектъ. Я говорю это не съ вѣтру, а на основаніи точныхъ свѣдѣній, говорю открыто, потому что явное зло требуетъ и гласнаго обличенія. Посудите сами, можно ли слышать безъ сердечной боли отвѣтъ одного провинціальнаго губернатора, конечно, православнаго, на просьбу помочь въ борьбѣ со штундой. «Что-же? говоритъ губернаторъ, штунда все-таки раціональное ученіе, не то, что наше грубое, погрязшее въ обрядности, православіе.» Итакъ, онъ, бѣдный, плаваетъ въ области раціональныхъ воззрѣній, и не успѣлъ въ теченіе своей жизни, до занятія своего высокаго поста, проникнуть въ православіе дальше его внѣшней обрядности.

9) Есть еще предубѣжденіе у нашихъ образованныхъ людей, и даже власть имѣющихъ, о которомъ даже и разсуждать совѣстно. Говорятъ: сектанты лучше живутъ; у нихъ больше порядка, трезвости и довольства, чѣмъ у православныхъ. Слѣдовательно, ненадобно и заботиться объ уничтоженіи сектантства; слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ у насъ сектъ, тѣмъ больше будетъ обезпеченъ порядокъ и благосостояніе въ нашемъ отечествѣ. Ужъ не раздѣлить-ли нашу православную церковь на секты по принципу, чтобы чрезъ улучшеніе быта въ отдѣльныхъ частяхъ государства устроить общее его благо? Но не выходитъ ли изъ примѣровъ лучшаго порядка у сектантовъ, чѣмъ у православныхъ, совсѣмъ иное заключеніе? Оно дѣйствительно и выходитъ. Вожаки сектантовъ умѣютъ держать въ рукахъ своихъ послѣ-

дователей, а наши администраторы въ отношеніи къ народу этого дѣлать не умѣютъ. У сектантовъ руководители и начальники единомысленны съ своими и во всемъ подаютъ имъ примѣръ, а у насъ всѣ врознь глядятъ. Коноводы сектантовъ все, что вредитъ ихъ сектѣ, быстро и рѣшительно устраняютъ, ничѣмъ не затрудняясь и ничего не жалѣя; у насъ напротивъ. У насъ, напримѣръ, объ уменьшеніи кабаковъ, о закрытіи торговли и ярмарокъ по праздникамъ—поговорятъ, да и перестанутъ; потому что тутъ, видите, есть опасеніе повредить промышленности и народному труду, какъ будто нравственный вредъ не заключаетъ въ себѣ началъ всякаго зла и всякаго раззоренія. Наконецъ, въ какой религіозной сектѣ вожаки позволятъ своимъ послѣдователямъ такія увеселенія, какъ спектакли подъ праздники, скандальныя оперетки, публичныя развратныя гульбища? Разница между сектантами и нами состоитъ въ томъ, что расколоучители, предводители молоканства, духоборства, хлыстовщины, шалопутства и проч. охраняютъ членовъ своей секты съ заботливостію и строгостію, а мы сами развращаемъ народъ. Различны причины, различны и послѣдствія.

10) Послѣднее слово. У насъ привыкли всѣ борьбу съ сектами возлагать на одно духовенство: справедливо-ли это? А христіанское общество? А просвѣщенные христіане? Они будутъ только плодить заблужденія, а борьбу съ сектантствомъ, и даже съ ними самими предоставлять духовенству? Если бы въ первые вѣка христіанства общество предоставляло борьбу съ язычествомъ и христіанскую проповѣдь однимъ только пастырямъ церкви, которыхъ было мало для всего міра, міръ не былъ бы просвѣщенъ христіанствомъ. Но тогда все горѣло огнемъ ревности по вѣрѣ; не только изъ пастырей церкви, но и изъ мірянъ были великіе учители и писатели, и духовные поэты, обогатившіе церковь своими пѣснопѣніями. Тогда и на пастырское служеніе шли свѣтскіе люди съ великими талантами и образованіемъ. Нынѣ мы, служители церкви, остаемся еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ положеніи духовенства прошлаго столѣтія: мы доселѣ остаемся скученными въ одномъ сословіи; къ намъ не притекаютъ дарованія, а уходятъ отъ насъ. Какъ же возлагать

на насъ однихъ борьбу съ этимъ страшнымъ наплывомъ невѣрія и сектантства! Только въ послѣднее время стали у насъ появляться сочиненія немногихъ благочестивыхъ свѣтскихъ писателей въ защиту церкви отъ заблужденій; стали показываться примѣры вступленія въ духовное званіе свѣтскихъ молодыхъ образованныхъ людей: съ радостію привѣтствуемъ эти отрадныя явленія. Не дастъ ли Господь нашему отечеству опять увидѣть то счастливое время, когда въ чинъ служителей церкви вступали и бояре и дворяне и совершали великіе подвиги за православную вѣру и отечество?

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы наши образованные люди вѣрно понимали и принимали къ сердцу интересы церкви, чтобы перестали отдавать всѣ свои таланты на служеніе наукѣ и искусствамъ, а посвящали ихъ и на служеніе Богу, чтобы не увлекались чужими взглядами, а безпристрастно и честно относились къ изученію своей родной вѣры и входили и мыслію и дѣломъ въ живое общеніе съ православною церковію. Тогда поймутъ они вѣрно свой народъ и его истинныя нужды, а народъ съ радостію увидитъ ихъ въ своей средѣ. Тогда и духовенство наше найдетъ въ нихъ себѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ и помощниковъ и поощрительные примѣры въ дѣлѣ защиты и охраненія нашей вѣры и церкви. Воздохнемъ и ко Господу, да призритъ Онъ милостиво на скорби Своей церкви и уврачуетъ нравственные недуги нашего отечества.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Изъ журнала „Церковныя Вѣдомости“, издаваемаго при Святѣйшемъ Сунодѣ, № 16 и 17, 1891 года.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 16 Апрѣля 1891 г.
Каѳедральный Протоіерей Петръ Смирновъ.